

ВИКТОР
КОНЕЦКИЙ

✧
Морские
рассказы
✧

✧ РУССКАЯ КЛАССИКА ✧

Русская классика (АСТ)

Виктор Конецкий

Морские рассказы (сборник)

«АСТ»

Конецкий В. В.

Морские рассказы (сборник) / В. В. Конецкий — «АСТ»,
— (Русская классика (АСТ))

Виктор Конецкий (1929–2002) – советский и российский писатель, киносценарист, капитан дальнего плавания. Автор более пятидесяти литературных произведений, изданных не только в России, но и за рубежом. Главное произведение писателя – роман-странствие в восьми книгах «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ» (1969–2000). Отдельные его части вошли в книгу «Морские рассказы». Основным фоном произведений Виктора Конецкого было море, оно же было и неотъемлемой частью всей его жизни. Но писал он прежде всего о душе человека в его странствии по океану бытия. В доверительном и исповедальном разговоре Виктора Конецкого с читателем всегда есть место и юмору, и грусти, и надежде на спасение в резко меняющемся мире. Возможно, именно поэтому его произведения уже более чем полвека не оставляют равнодушными несколько поколений читателей и не дают забыть, что Россия – великая океанская держава.

© Конецкий В. В.

© АСТ

Содержание

Морские сны	6
Тихая жизнь	6
Остров кокос	13
«SOS» в Индийском океане	17
Вокруг да около Святой Елены	33
В дрейфе	40
Редактура мифа	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Конецкий

Морские рассказы

© Виктор Конецкий, текст, наследники, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Морские сны

Тихая жизнь

15.09.69

Идем из Сингапура на архипелаг Каргадос.

Жара. Средней силы пассат – в корму слева.

Матросы мажут суриком грибки вентиляторов. Карминные пятна на белом – сильный контраст под полуденным солнцем. Матросы полуголые, в немыслимых шляпах, панамах, и не торопятся. Никто никуда не торопится.

Пижон бродит по крыше носовой надстройки – это под окнами рулевой рубки; Пижон ищет тени, но он уже привык к жаре, он не так ищет тени, как развлечения в полуденной скуке. Изредка, чтобы показать, как ему тяжело, Пижон вывешивает язык.

Дебелый кок вылезает из бассейна на крышу надстройки, он в плавках; Пижон ему надоел. Пижон знает это и наблюдает за коком издалека.

На палубе матрос Зайцев стрижет желающих под ноль. Юго-восточный пассат уносит отстриженные вихры за борт в Индийский океан. Свежеостриженные головы белеют на загоревших плечах.

С полдня моя вахта. Одну высоту Солнца я уже взял и посчитал линию. Разность высот всего восемь десятых минуты – ясно, что мы на курсе. Мне тоже все лень и нечего делать. Я смотрю сверху на Пижона и на медленную судовую жизнь.

Хожу с крыла на крыло.

Океан и светило слепят глаза даже через темные очки. Над горизонтом – серые от жары, мутные облачка хорошей погоды. С наветренного борта волны темнее, синее, гуще; отшатываясь от борта, рожают короткие и злые радуги брызг. Облачка с противоположной солнцу стороны розоватые, мелкими клочками. Ветер прохладный, разом снимает с плеч распашонку и залезает в карманы шорт, ставит дыбом волосы. Если специально прислушаться, вдруг замечаешь, что волны ударяют в борта сильно, что это крупные океанские волны. А если специально не прислушиваться, ничего не заметишь – так привык к вольному шуму, белым гребням, кольцу горизонта.

Постояв на наветренном борту, я вдруг с удовольствием чихаю. От трепыхания одежды на теле начинает зудеть кожа плеч и рук. Я перехожу на правый борт и попадаю в пекло. Здесь волны замедленные, умиротворенные, металл раскален.

На воде появляется овальное темное, четко очерченное пятно. Пятно извивается на волнах и плывет рядом с нами. Его размеры такие, как у судна, – метров сто в длину. Это тень крошечного облачка, которое повисло между нами и солнцем на высоте около километра.

Облачко отворачивает вправо, его тень начинает обгонять нас и отходить к горизонту. Отходя, оно теряет овальную форму и делается все уже, наконец превращается в черту на воде.

Скучно. Рассматриваю локти – один ссажен и с него сходит кожа. Прихожу к выводу, что локти не самое красивое место человеческого тела. Правда, им, беднягам, достается.

Кто-то с палуб запустил бумажного голубя. Голубь высоко и стремительно взлетает, потом долго планирует и наконец распластывается на волне и исчезает.

Иду взглянуть на огород. Чахлая редиска и лук в ящиках все-таки борются за жизнь. И пожалуй, они победят.

Хочется на землю. Хочется лечь в тени деревьев на берегу реки или между двумя рядами картофельных кустов, среди шершавой и мягкой картофельной ботвы, близко видеть фиоле-

товые и желтенькие картофельные цветки, такие красивые, когда смотришь на них близко. И шмели вокруг...

Корма описывает над океаном эллипс – вверх-вправо-вниз-влево-вверх-вправо...

На самой корме стоит и смотрит в кильватерный след мастер. Одна нога на релинге, локти тоже. Так он будет стоять долго. Он всегда один, даже когда общается с кем-нибудь. Так мне продолжает казаться.

Захожу в штурманскую. Кондишен ледяным, погребным холодом дышит в затылок. От нечего делать листаю лоцию пролива Ла-Манш – хочу уличить Жоржа Сименона в липе. Я прочитал его «Президента». Президент живет по точному адресу – возле маяка Антифер в селении Этрета. Меня очень интригует смелость Сименона – неужели он взял кого-нибудь из подлинных личностей за основу Президента? И как он отделялся от вопросов местных знатоков, если поселил Президента в подлинно существующем месте?

Сименон оказывается смелым человеком – я нахожу в лоции и маяк Антифер, и селение Этрета... Хорошо там сейчас, думаю я, в заливе Сены, в конце сентября, среди холмов, покрытых лесом.

Мыс Антифер – высокий и округлый, высоко вздымается над прибоем отвесной стеной меловых утесов среди темной зелени лесов. В долине, выходящей к морю, спокойно смотрят на мир окна дач Этреты, отдыхают на прибрежной гальке вытасенные на берег рыболовные суденышки, молчит старинная часовня Нотр-Дам-де-ла-Гард, а вечерами мерцает на берегу подсвеченный памятник погибшим морякам, рыбакам или воинам... И мимо всего этого тихо струит воды Сена, становясь соленой морской волной...

Я отмечаю время – 14.00, записываю отсчет лага – 78,4, отмечаю пройденное за час расстояние – 11,4 мили. Через тридцать минут можно брать второе Солнце.

Светило не грозит исчезнуть в облаках, и горизонт устойчиво четок – обычное дело, когда знать свои координаты не очень важно. А когда прижмет, солнце обязательно станет таким лохматым, как подушка, из которой вылетают перья, или горизонт будет дымиться...

Вахта перевалила за половину. Я вспоминаю, что на пеленгаторном мостике сушится линеметательный аппарат. Тропические ливни сделали свое дело – ящик оказался на треть залитым водой. И вот теперь линии, ракеты, запалы сушатся наверху.

Поднимаюсь на пеленгаторный мостик и вижу, что мой линемет отодвинут в сторону, ракеты сложены в кучу, а на ящике лежит и загорает Эльвира – младшая буфетчица. Она лежит на животе – лифчик расстегнут и груди расплющены о подстилку. Эльвире хочется, чтобы и следа от лифчика не осталось на ее тропическом загаре.

– Я линии вытащил сохнуть, – говорю я Эльвире. – А вы что тут наделали?

– Ах, я не знала! – врет она, прикрывая с боков свои расплющенные груди, которые отлично просматриваются, потому что она вся уже черная, а груди белые и просвечивают между пальцами. Бесовские мысли возникают в моей целомудренной голове, и я покидаю Эльвиру. Бог с ней и линеметом.

Спускаясь с мостика, вижу электриков, которые заливают электролит в аккумуляторы.

По трансляции объявляют, что на банке Каргадос состоятся соревнования по ловле тунцов.

Пижон нашел грязную веревку и таскает ее по крыше надстройки, терзает под солнцем. Кто-то лениво отбирает у пса веревку, пес лениво отдает...

И после такой мирной вахты мне почему-то снится, что я приговорен к смертной казни через повешение. И все есть во мне – обида, потому что я ее не заслужил, смертную казнь через повешение, жуть и страх неизбежной смерти, судорожные попытки найти выход и бежать, но бежать нельзя по моральным соображениям – меня стережет человек, которого нельзя подвести...

16.09.69

Ночная вахта начинается и заканчивается борьбой с эхолотом НЭЛ-5. Все тот же закон: пока плывешь на глубине в пять километров, эхолот отлично работает, потому что абсолютно никому не нужен. Но вот мы подходим к островам Каргадос, должны задеть край банки Назарет и по глубинам на этой банке опознать место.

А эхолот показывает то стада тунцов, то джунгли кораллов, то ровный асфальт строевого плаца, то есть показывает он все, что я хочу представить себе под килем нашего теплохода. Кроме истинной глубины.

По десять минут стоим мы с капитаном, уперев тупые взгляды в эхограмму, которая ползет через валик, потрескивая под искрой пробивного тока. Эхолот бастует.

Радар возьмет островок Альбатрос, на который мы выходим, оставив по корме диагональ всего Индийского океана, в лучшем случае в десяти милях, а мы не можем нащупать глубины подхода.

Старый НЭЛ-3 был куда проще, а потому и надежнее, так считаю я. Черт с ними, с самописцами и прочим, я и без них обойдусь, если есть хороший импульс...

Так и не взяв глубины, уйду спать.

Около восьми утра просыпаюсь от грохота якорной цепи и вибрации заднего хода.

Утро солнечное и тихое. Милях в двух желтеет узкая полоска песчаного берега островка Рафаэль, поверх песка густая и не очень зеленая шапка кустарников. И почти по всему горизонту салатно-зеленая и нежно-голубая полоса мелкой на рифах воды, а за ней, с дальней стороны островков и рифов, тянется мощная полоса белых бурунов – там расшибаются волны, пригнанные юго-восточным пассатом.

Кто знает архипелаг Каргадос-Карахос? Я, например, узнал о его существовании только тогда, когда увидел английскую карту № 1881.

У многих в крови любовь к старинным картам. Я их тоже люблю. Но не тогда, когда надо вести судно по старинной карте. Невольно почешешь в затылке, когда прочтешь: «Архипелаг Каргадос-Карахос нанесен на карту сэром Эдвардом Бельчаром в 1846 году». А восточные берега рифового барьера в 1825 году обследовал лейтенант Мюдже со своими людьми на вельботе. Он проник на восточную сторону рифов с западной, так как «ни одно судно не отваживалось подойти к рифам с мористой стороны». Лейтенант был смелым человеком и отчаянным моряком. О рифы, которые он обследовал, разбиваются волны, начавшие разбег от берегов Индонезии и Австралии. Даже в бинокль жутковато смотреть на мощные фонтаны прибоя с мористой стороны барьера.

Конечно, карту корректировали. Но и последняя корректура была в июне 1941 года. За двадцать восемь лет океан и кораллы наворотили здесь уйму неожиданного. Уже по сведениям 1944 года обнаружено много островков, не нанесенных на карту № 1881. Никаких иных карт архипелага во всем мире нет.

Архипелаг Каргадос-Карахос. Плоские и низкие островки на коралловом рифе, вытянутые с юга на север на двадцать семь миль.

Остров Фригит изобилует крысами. Остров Пол – к нему можно подойти только на местных пирогах. Остров Рафаэль – здесь растет несколько деревьев и кокосовых пальм, есть хижины и сараи. Высадка наиболее удобна на юго-восточной оконечности, сюда между осыхающими скалами, лежащими в полукабельтове к югу от острова, идет шлюпочный фарватер.

Периодически острова посещаются частной промышленной компанией с острова Маврикий, которая заготавливает здесь соленую рыбу, черепаховую кость и добывает гуано.

Приливные течения с западной стороны острова Рафаэль местами достигают большой силы, особенно течение, идущее на норд.

Архипелаг принадлежит Британии, администрация – на Маврикии, до которого двести двадцать миль.

Капитан приказал мне сходить на разведку, попробовать найти людей на Рафаэле и испросить разрешение на проведение Дня здоровья. Так на официальном языке называется купание, загораение и ловля рыбы.

Прежде чем идти, я долго общался с сэром Эдвардом Бельчаром и лейтенантом Мюдже. Карту не рассматривают. В карту погружаются. И глубина погружения равна глубине твоего опыта. Бог знает, какое сцепление и мешанина мыслей, интуиции, смутных воспоминаний об аналогиях; пересчеты английских саженей на метры, напряженная попытка ощутить направления не по компасу, а мозжечком; зыбкие видения будущих реальностей за условными обозначениями – и все это без словесных формулировок. Какое-то сомнамбулическое состояние. Оно, если обстановка не торопит, может продолжаться часами. Так, вероятно, знатоки живописи погружаются в картину. И вдруг сверкнет решение: «Пойду на ост до стоящей там на якоре шхуны, она милях в полутора от Рафаэля. Ветер зюйд-ост шесть – будет в бейдевинд, волна не так заливать станет. От шхуны пойду на зюйд-вест нащупывать шлюпочный фарватер, о котором сказано в лоции. Если шхуна стоит здесь, то имеет связь с берегом. Проливчик со шлюпочным фарватером открыт с восточной стороны, значит, туда вкатывает зыбь, оставшаяся после прибойных волн. Конечно, эти волны потеряли на рифах силу, но зыбь все равно будет та еще! И никаких отметок глубин сэр Бельчар здесь не оставил! Проливчик огражден осыхающими камнями, значит, и грунт – камень скорее всего. Здесь ушки держать на макушке...»

Никакой бейдевинд не помог. Вельбот заливало брызгами. Помпа, конечно, отказала сразу, как и все помпы на этом свете. Вероятно, только у Харона, который перевозит в ад покойников, никогда не отказывает помпа.

Шхуна называлась «Сайрен». Очевидно, в честь островка Сайрен, который южнее Рафаэля. Приписка шхуны – Порт-Луи, Маврикий. Ни одной живой души на палубе не было. Мертвое судно.

От нее мы пошли на проливчик. Заливать стало еще больше – ни одной сухой нитки, воды – половина вельбота. Глаза забивало брызгами, соль Индийского океана мутила зрение, очки не помогали, бинокль тоже не помогал. Да и глазеть в бинокль на летающем по волнам вельботе – бессмысленное дело. А глядеть надо было. Никаких «осыхающих скал», ограждающих проливчик, я не находил. Вместо них выплывала из воды низкая песчаная лепешка, поросшая кустиками. Сам проливчик заполняли подводные скалы, и на них вскипали буруны. Вперед видно было очень плохо, зато прозрачность воды была удивительной, на глубине метров в пятнадцать отлично видны были камни; изменение цвета воды над грунтом и камнями на разных глубинах было отчетливое – от нежно-зеленого, как первый весенний листочек подснежника, до темно-грубо-синего.

В проливчик, как я и ожидал, шла крупная зыбь. Поворачиваться к ней лагом было опасно, и мы продолжали переть в буруны, надеясь, что среди них вдруг откроется щель. Так часто бывает. А часто и не бывает.

На самом малом мы ползли между бурунов на зыбь и раза два крепко стукнулись о камни. После второго раза я застопорил дизель, приказал взять отпорные крюки на упор, всех свободных послал в нос, чтобы поднять корму и сбереечь винт. И вельбот, глубоко колыхаясь, подрейфовал к южной оконечности Рафаэля. До этого я остров и не видел – так поглощен был управлением неуклюжей посудинной.

И вот увидел близко деревья, пальмы, клонящиеся под ровным натиском пассата, услышал их густой шелест и вздохи древесных крон.

А мы здорово отвыкли от деревьев.

Потом увидел штук семь домиков-хижин. Между берегом и домиками стоял высокий крест из светлого камня с одной перекладиной. Правее креста метрах в ста лежали пирогги, вытащенные на мелководье лагуны.

Из тени деревьев вышла группа негров, они подавали руками сигналы, напоминающие международный семафор для терпящих бедствие на берегу. Мы были уже метрах в двадцати от уреза воды, румпель задрожал в руке – руль коснулся грунта. Грунт был каменный, и я завопил: «Пошел все за борт! Бери на руки!» Матросики с восторгом попрыгали в зыбь, вельбот облегчился, камень сменился галькой, галька – коралловым песком, и мы приехали.

Негры перестали махать конечностями, но к нам не пошли, стояли тесной группкой метрах в ста. Это была голь перекатная, несчастная и забитая.

Я припас презент – пять пачек сигарет «Новость» и альбомчик открыток с зимними видами Ленинграда. Вооружившись противогазной сумкой с дарами, прыгнул за борт и вышел из синего моря на ослепительный под солнцем коралловый песок. Деревья шумели замечательно, но от хижин пахло дрянью.

Мужчина лет пятидесяти, обросший бородой как Робинзон Крузо, в тропической шляпе, в рваном, но европейском одеянии пошел навстречу. Один пошел. И, не доходя шагов пять, остановился, зажестикнул, заговорил быстро. Совместными усилиями мы разобрали «олл ил». Прибавив к этим словам жесты, мы получили дедуктивный вывод: «Здесь все люди больны заразной болезнью, уходите немедленно!»

Я сложил сигареты «Новость» и снежные виды родного города на раскаленный тропическим солнцем коралловый песок. Получилась симпатичная кучка. Робинзон облизнул усы.

«Можно?» – спросил я и показал на остров Сайрен.

Он сказал: «Олл айлендс!»

«Куда угодно, кроме Рафаэля», – так поняли мы.

И здесь я вдруг вспомнил журнал «Мир приключений».

– Проказа! – заорал я. – Пошел все в вельбот!

И мы сами не заметили, как миновали буруны, камни, проливчик. Правда, теперь нам помогали и зыбь, и попутный ветер.

Решили навестить Сайрен, что, между прочим, означает «Сирена». Пускай она споет нам свои песни, думал я. И пускай на Рафаэле не будет большой драки: если этот белый не очень крепко держит в руках свою толпу, то там, позади серого креста, между куч разлагающихся отбросов, в тени пальм, при дележе презента получится крепкая потасовка.

Но это уже нас не касалось. Главное было выполнено – получено разрешение на высадку.

В лоции об острове Сайрен говорилось только, что возле берегов есть несколько подводных камней. Уже хорошо – значит, не сплошь камни.

Мы стали на якорь метрах в пятидесяти с подветренной стороны. Ближе было не подойти. Накат, как всегда возле маленьких островков в океане, почти не зависит от направления ветра. Зыбь обнимает, обходит островок.

На острове курчавился кустарник, и над ним висело плотное орущее облако – сотни тысяч птиц.

Я был достаточно глуп, чтобы стянуть с себя джинсы и рубашку. И достаточно умен, чтобы прыгнуть в воду, не снимая сандалет. За пояс плавок я засунул авоську – для морских ценностей. Но я, конечно, не ожидал, что ценностей окажется столько.

Едва вылез из прибоя, разбив колено о камень, едва отфыркался от соли и очухался от неистовых птичьих криков, едва глаза привыкли к слепящему сиянию раскаленного песка, как я увидел, что это вовсе не песок. Миллионы ракушек, кусочки кораллов, окаменевших морских ежей, звезд, панцирей, скелетов. Волна, смачивая раковины, заставляла их сверкать всеми цветами и оттенками.

И буйная, сумасшедшая жадность охватила меня. Я бросился хватать подряд все раковины и кораллы, совать их в авоську, как тот мерзавец, который пробрался в пещеру Али-Бабы и растерялся среди безмерных сокровищ.

Весь остров Сирены я с наслаждением погрузил бы в трюм. Вернее, береговую полосу, потому что за нее ступить было невозможно: птенцы, едва начавшие ползать, птенцы неподвижные еще, только таращившие ясные черные глазенки, яйца в ямках, мамы и папы, недвижно и жертвенно сидящие на гнездах, – ступить в глубину острова невозможно было и на один шаг. Но я туда и не стремился, хватал раковины, выдергивал из земли ползучие странные растения, чтобы растить их в каюте. Кротом рылся в береговом откосе, выворачивал пудовый коралловый остов, бросал его... Я был в пещере Али-Бабы; но сколько утянешь сокровищ, если с ними надо проплыть сквозь океанский накат полсотни метров?

И все, кто здесь был, как я, в первый раз, вели себя аналогично. Наконец я пришел в себя и просто зашагал вокруг Сирены, беспощадно обгорая на солнце. И я понимал, что сгорю на корню, но, черт возьми, говорил я птицам, а вдруг никогда больше не попадешь к вам сюда? А ведь плаваем мы, возможно, ради таких вот нескольких минут чужого, прекрасного мира; ради шума прибоя в рифах и бегущего в воду краба; ради свидания с теплыми и сочными прибрежными растениями с их зеленоватыми зонтичными странными цветами; ради скользкой тени большой хищной рыбы в близких волнах; ради видения индийски-океанского мира вокруг...

«Не счесть жемчужин в море полуденном...»

Теперь не только песня Варяжского гостя стала зрима мне.

С мористой стороны островка океан гремел Бетховеном. И как у Рубенса на картине «Союз Земли и Воды», возвещая о благодатном и мощном союзе стихий, трубил в раковину небес Тритон.

Недаром Аллах, создавая в раю лошадь для Адама, дал ей одно крыло из жемчуга, а другое из кораллов.

И, как всегда, обидно было, что близкие тебе люди не видят всей этой красоты. Жадность к океанским богатствам была так остра еще и потому, что в каждой раковине и в куске коралла хотелось привезти с собой в зимний Ленинград частицу этого блистающего мира, ибо никакими словами или фотографиями не выразить влажной тяжести раковины, ее перламутровой, жемчужной гладкости внутри и морщинистой поверхности, не передать вкуса соли и силу солнца, которые создали чудо коралла.

Пижон был взят на вельбот и был протасен сквозь прибой. Он ошалел от твердого берега, птиц, шелеста кустов. Он носился вокруг нас, боясь отбежать дальше десяти шагов, мокрый, радостный, наглотавшийся соленой воды, ничего не понимающий после недавней качки вельбота и чада дизеля. Да, вряд ли хоть один пес поверит Пижону, когда в старости он будет трепаться о своих морских приключениях.

Матросы ныряли с масками и ластами, доставали со дна живых огромных каракул, смертельной хваткой сжимающих створки, быстро сохнувших и сереющих на ветру и солнце. (Может быть, тридакны? Но всех моллюсков матросы зовут одинаково – каракулами.) Ловили плоских, серебряных, холодных незнакомых рыб с тремя черными пятнами на боку, такими четкими и аккуратными, как у индийских женщин на лбу.

Но все уже устали и оступели от впечатлений. А я еще побаивался акул. Их видели близко. И мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из ныряльщиков остался без ноги.

Выбрали якорь и с попутной волной побежали на судно.

А Пижон, опять вымокший во время доставки на вельбот, опять нахлебавшийся соленой воды, бесстрашно смотрел на удаляющийся прибой. Он показал себя существом пренебрежительного мужества, быстро забывающим пережитый страх, готовым повторить все сначала, хотя в воде он не выглядел героем и выпучивал глаза почище краба...

19.09.69

Якорные вахты спокойные. Ночью читал статью Томаса Манна «Анна Каренина».

Манн думал о ней, глядя в прибой, на берегу Балтийского моря.

Могучая сила наката возбуждала в его душе почтительное волнение, первозданную нежность, чувство приобщения к вечной стихии.

Он сидел на пляже, укутав ноги пледом, глядел на море, прибой, облака и думал об Анне Карениной. Он специально выбрал это место, потому что с детства чувствовал духовное родство с морем и эпосом. Море и эпос – две стихии, одна из них – образ и подобие другой, – так он ощущал и думал.

Падали и падали на равнодушный песок накатные волны, грохотали их мокрые тела, разбиваясь в пыль, и плавно рождались вновь. Корявые от ветров сосны цеплялись жилистыми корнями за дюны.

Старый немец писал на влажных от морского дыхания страницах.

Незримой сидела близко от него прекрасная женщина Анна, придерживая шляпу. Слепой грек, родившийся на северных берегах далекого Черного моря, трогал струны в такт волнам, он тоже был здесь.

Старый немец писал: «Эпическая стихия с ее величавыми просторами, с ее привкусом свежести и жизненной силы, с вольным и размеренным дыханием ее ритма, с ее однообразием, которое никогда не наскучит, – как она сродни морю, как море сродни ей! Я имею здесь в виду гомеровскую стихию, древнее, как мир, искусство повествования, тесно связанное с природой, во всем его наивном величии, во всей его телесности и предметности, непреходящее здоровое начало, непреходящий реализм. В этом – сила Толстого, сила, которой не обладал в такой мере ни один эпический художник нового времени, сила, которая отличает его гений – если не по масштабу, то, во всяком случае, по самой сути, – от болезненного величия Достоевского с его надрывом, с его гротескно-апокалипсическими картинами...»

А где-то в двух милях от меня, в черной тропической ночи на острове с красивым названием Рафаэль, спят и медленно умирают десятка два несчастных людей. Под бортом в свете траповой люстры ходят пять рыб-игл. По корме горят огни «Боровичей» – это наш космический близнец и побратим. Мы с ним одной судьбы, одной крови.

Болит обжаренная кожа.

Опять о надстройки разбиваются птицы. Я наконец понял, почему они не способны взлететь с палубы. Они не могут взлететь вертикально, им нужна взлетная дорожка, разбег по воде.

Я подошел к одной, она забилась, от страха отпрыгнула что-то белое, что, вероятно, несла детенышам. Я не решился взять ее в руки. Даже курицу мне неприятно брать в руки. Трепыхание живого в руках жутко мне с детства. Это касается и рыб. Но это и не страх, что живое укусит, главное в чем-то другом...

Остров кокос

...Низкий, 2,5 мили в длину, лишен растительности, и только в средней части его есть пальмы, растущие двумя группами, между которыми стоит одиночная пальма.

Лоция Индийского океана

Доктор упрекнул меня в том, что я мало и неправильно загораю.

К этому времени я уже знал, что я не змея. Змея разом вылезает из старой кожи, а у меня этот процесс после поездки на Сайрен проходил мучительно медленно.

Сам доктор сбрил волосы на голове, потому что ультрафиолетовые лучи не проходят якобы через шерсть. Тут я и прочитал ему краткую научную лекцию.

– Доктор, вы когда-нибудь видели тигра, который загорал бы, сняв шкуру? Если ультрафиолетовые лучи действительно не проходят сквозь шерсть, то вы нигде и никогда не смогли бы купить меховую шубу. Как вам известно, волосатые животные не бреются, они сплошь покрыты шерстью. И даже наша ближайшая родственница обезьяна имеет обнаженным только одно место. То самое место, которое редко кто из людей показывает солнцу. И это место, короче говоря зад, плевать хотело на солнце. Оно проводит жизнь в крошечной темноте и отлично там себя чувствует. В этом отношении оно схоже с летучими мышами. Они тоже всегда живут в темноте. Если бы пушные звери испытывали необходимость в загаре, они в процессе эволюции избавились бы от шерсти. И вы остались бы без мехового воротника. Читайте Дарвина, док!

И я прыгнул за борт вельбота в рубашке, штанах, сандалетах и коричневой французской кепке, под которую я сунул курево и спички. И поплыл на остров Кокос.

– Вы плаваете, как летучая мышь, – заорал он мне вслед.

Ну что ж, я оставил за ним последнее слово. Мне хотелось быть одному. Одному на Земле.

Берег острова оказался из обыкновенного, только очень мелкого песка. Идеальный пляж. Не скоро еще здесь поставят зонтики и будки для переодевания.

За пляжем был маленький обрывчик. Я влез на него. Заросли кустарников, пальмы, и под ногами плотный зеленый мат из ползучих растений и трав. И запах нагретых солнцем растений, оранжерейный. Пассат не может пробиться сквозь заросли и унести этот запах.

Я пошел в глубь острова. Тишина зноя была вокруг. И крики птиц не нарушали знойной тишины. И жужжание бесчисленных мух тоже не нарушало тишины. Как будто не существовало рядом океана с его вечным гулом. И только когда ступал на высохшую ветку, ее треск грохал выстрелом. Ветки казались, конечно, гадами. И скоро стало неудобно от непривычности окружающего островного мира. Здесь легко было представить себя потерпевшим бедствие.

Вот я выбрался на этот островок, выполз из прибоа, один, товарищи погибли, тишина гробовая, хотя жужжат мухи, шелестят вершины пальм. Все отчужденное, как лес в записках моего сумасшедшего, все живет само по себе, не обращает на тебя внимания; а что тут живет, ты не знаешь, кто выйдет или выползет из кустов, почему они шевельнулись?

И в то же время какая-то мягкость, умиротворение, ласка и нежность касались души. Вечная душевная судорога от сознания своих обязанностей, сложностей в отношениях с людьми, усталости, тоски по родному слабела. Жизнь Земли была так густа на этом крохотном островке.

Я вышел на противоположную сторону, увидел лагуну, отделенную от океанского простора бурунами рифов, увидел огромный позвонок с обломками ребер какого-то морского чудовища, выбеленные солнцем, окаменевшие раковины, и ветер сразу высушил на мне одежду.

Я сел на позвонок и закурил. Мне хотелось этот огромный позвонок увезти с собой, как когда-то на острове Вайгач хотелось украсть щенка – будущего жожака.

В блокадном бомбоубежище, в замерзшем городе я читал журналы с красными обложками «Мир приключений». И рассказы из этих журналов я помню лучше, чем блокаду. Быть может, потому, что ее я вспоминать не люблю.

...Капитан старой галоши в южных морях, у него слабеет зрение, надо поворачивать у островка с тремя пальмами, он их не видит, спрашивает стюарда... Галоша напарывается на рифы, тонет, пар булькает в котлах, капитан не уходит с мостика, шепчет, вцепившись в релинги: «Ну, сейчас, уже скоро, тебе немного осталось мучиться, сейчас станет тихо...» Он шепчет это своей старой галоше, он плачет от жалости к ней и тонет вместе с судном.

...Белый плантатор в джунглях юго-восточной Азии. Сумасшедшее одиночество. Плантатор замечает, что цветной слуга иногда исчезает. От скуки хочет выследить его, но высоко в горах, в чаще джунглей наталкивается на завал, из завала глядит ему в лоб винчестер. На прекрасном английском языке доносится: «Еще один шаг – и я стреляю!» Так плантатор узнает, что на горе живет прокаженный... Черная, душная, тропическая ночь, предгрозовая тяжесть и одиночество в ней. И плантатор представляет, в каком совсем ужасном одиночестве тот человек на горе, берет фонарь и начинает показывать вспышки в крошечном мраке. И ему отвечает вспышка... Они преодолели одиночество, они уже вдвоем в этом мире.

Я сидел среди экзотики и думал об авторах этих рассказов. Их имена люди давно забыли. Наверное, это были очень средние писатели. Но и средний писатель может написать рассказ, который несколько десятков лет сохраняется в памяти человека, если писатель знает то, о чем пишет. Забытые авторы «Мира приключений» знали. Сквозь призму их рассказов глядел я на чужой мир.

Вернусь, думал я, пойду в Публичку, возьму журналы, перечитаю, составлю сборник забытых рассказов, верну к жизни имена давно умерших людей, напишу к сборнику предисловие – у меня хорошее получится предисловие. И на том свете вся компания авторов сборника явится в ад, чтобы поблагодарить меня и смазать кокосовым маслом мою сковородку. И вдруг подумал: а если рассказы окажутся ерундой собачьей? Ведь я потеряю тогда многое, и безвозвратно! Опасно возвращаться в прошлое.

И все-таки я умудряюсь вернуться в прошлое.

Я лезу на кокосовую пальму.

Метрах в двух от земли я понимаю, что уже не отрок. Правда, усвоенные в детстве приемы карабканья по карагачам и тополям вспоминаются с неожиданной четкостью и помогают двигаться вверх по шершавому, уступчатому стволу пальмы.

Пот заливает глаза, очень жалко штанов, купленных на Канарских островах, некогда белоснежных джинсов, но гроздь кокосовых орехов стоит джинсов – так утешаю я себя. Конечно, кокосовые орехи можно купить, совсем не обязательно самому карабкаться на пальму, но ведь в том-то и главная ценность будущего трофея, что я сам к нему добрался и сам сорвал.

Пальма обдирает живот даже сквозь рубашку, а я знаю, что при спуске живот страдает куда сильнее, не говоря о том, что, спускаясь, устаешь в два раза больше, нежели при подъеме. Но я продолжаю обнимать горячий ствол кокосовой пальмы.

Я уже выше зарослей кустарников, выше птиц, густо усеявших ветки кустарников. Все шире распаивается ширь океана. Я уже вижу белые точки родного «Невеля» и «Боровичей» на горизонте, бирюзовую воду и пену прибойной волны.

Сердце отчаянно стучит в серый горячий ствол. Далековато будет отсюда падать. Мухи сопровождают меня и на высоте, мерзкие мелкие мухи, липнущие к мокрому телу.

Еще немного, и можно вцепиться в нижний лист. Интересно, крепкие это листья или полетишь с ними вместе на птенцов и на пики кустарников?

Я пропихиваю себя в гущу шершавого коричнево-зеленого переплетения, упираюсь наконец коленкой в какой-то куцый, как кочерыжка, отросток и передыхаю среди мерного, отчужденного шелеста пальмовых листьев.

Вот они – орехи. Трясущейся от перенапряжения рукой дотягиваюсь до грозди. Как она тяжела – девять орехов, каждый килограмма по два.

Изворачиваюсь и так и этак, чтобы обломать гроздь. Забираюсь еще выше, чтобы пустить в дело ноги, но начинаю понимать, что затея обречена на неудачу. Внутри ветки как будто спрятан добротный манильский трос. А трос не поломаешь, его надо рубить. Рубить нечем. Зря я вишу здесь, распятый на веере пальмовых листьев. Болван. Разве могла бы пальма удержаться среди океанских ветров такие тяжелые, огромные плоды на хрупкой ветке? Нет, конечно. И следовало бы подумать об этом на земле.

Будь неладен нож, купленный в керосиновой лавке на Петроградской стороне. Нож безнадёжно заржавел после первого купания в соленой воде. И я не взял его на остров Кокос.

Сползаю по горячему стройному телу пальмы, обдирая дальше живот и запястья. Когда же наконец земля, черт побери?!

Птицы и мухи кружатся вокруг и издеваются. Боже, во что превратились джинсы! И как красиво, безмятежно покачиваются девять кокосовых орехов на высоте девяти метров, среди коричнево-зеленого переплетения пальмовых листьев.

Долго сижу на корточках, курю. Раскаленные кусты пахнут терпко и странно, немного дурманят. Да, давно я не занимался физкультурой. Сердце молотит, во рту сухо. Но я не собираюсь сдаваться.

Шагах в пятидесяти растёт другая пальма, толстушка и коротышка. До орехов не больше трех моих ростов. А в траве я обнаруживаю кусок ржавого железа неизвестного происхождения. Сую в задний карман и атакую коротышку.

Добравшись до листьев, устраиваюсь удобно. Прямо перед глазами колышутся желтые фонтаны пальмовых цветов, нежные завязи, молоденькие орешки, похожие на желуди. Из центра кроны торчит чрезвычайно соблазнительная штука – свернутый будущий пальмовый лист с острым концом, размером в добрый метр.

Я начинаю терзать пальму с этого будущего листа. Кручу, верчу, гну, пилю ржавой железкой. Я готов грызть его зубами. Он так туго запеленат сам в себя, в нем так много внутренней живой силы, он весь литой, как металл в чушках, – его обязательно надо повесить на стенке в каюте.

И вдруг из гнезда, где крепится лист, вырывается армия муравьев, крохотных и стремительных. Все прочитанное о термитах и тропических муравьях, на съедение которым кидают неудачливых путешественников, о глиняных горшках, набитых муравьями и надетых на руки туземных юношей, сдающих экзамен на звание воина, – сведения из «Мира приключений», – все это проносится в моем уже изрядно перегретом мозгу. Муравьи облепили рубаху, сотнями тонут в поту на коже, и я остро чувствую могучее земное притяжение. Внутренним взором я вижу белый и чистый скелет, аккуратно объединенный муравьями, висящий среди кокосов. Еще я предчувствую, что в ближайшие секунды насекомые доберутся до всех моих наиболее уязвимых мест, и тогда скипидар покажется мне шампунем. И в то же время я не могу бежать, пока не оторву чего-нибудь от пальмы – на память. Это желание сильнее страха и усталости.

И я вырываю три больших ореха и ветку пальмовых цветов.

Я весь покрыт муравьями. Скатываюсь вниз, долго встряхиваюсь, как собака. Зализываю ссадины на запястьях.

Эти вечные плавные поклоны пальм, колыхание их вершин – как гипнотические пассы. И куда девались попутчики? Почему не слышно голосов?

Я один на этом острове. Я хотел быть один. И я один.

Сгибаясь под тяжестью трофеев, бреду к месту высадки. Пот заливает глаза. Мухи электронным облаком вертятся вокруг головы.

Натыкаюсь на хижину. Незакрытая дверь покачивается на петлях. Жестяной навес и заплывшие грязью бутылки. Несколько непонятных знаков, намалеванных смолой или углем на стене хижины. Тишина покинутости. Запах гниющего жилья. Площадка перед хижинкой поросла травой – давно тут никто не был. Хлипкая, нищенская хижина – неудачники и горе-мыки жили в ней, соленым был их хлеб. Остатки узкоколейки к берегу – что по ней возили? Гуано? Но его мало здесь...

Покинутое человеческое жилье жутко тем, что вдруг в нем кто-нибудь окажется. Я не заглядываю в хижину.

Слава богу – впереди слышится веселая ругань. На полянке матросы возятся с орехами, колупают их финками. Прощай, одиночество. Ты, конечно, необходимо, но все должно быть в строгой пропорции.

Прощай и остров Кокос. Чрезвычайно мало шансов еще раз ступить под сень твоих отчужденных пальм.

Читал Стендаля. Умный и далеко не сентиментальный, Бейль готов был, обливаясь слезами, поцеловать руку Байрону за «Лору»! А насколько Стендаль сегодня кажется современнее Байрона...

И почему-то вспомнился Пьер Лоти. Его «Исландский рыбак» и «История спаги». Отличные книги. А у нас забыт и считается бульварным. Он ближе мне, нежели Конрад. Он более трагичен под слоем экзотики и, как ни странно, кажется более достоверным.

Мы продолжаем стоять на якоре и ловить рыб.

Красота тропических рыб не может быть описана пером. Все цвета спектра, взятые в той чистоте тонов, которые видишь на срезе зеркала или на уроке физики, когда учитель в солнечном, весеннем классе говорит, что спрашивать сегодня не будет, а покажет опыт. Уже от первых слов учителя ты испытываешь наплыв жеребьячьего восторга, радости бытия и безоблачности впереди – до самых восьмидесяти лет. И тут учитель подбавляет вам радости: белый луч с традиционно пляшущими пылинками втыкается в призму и взрывается гремящими красками спектра. Вот такое переживание вызывает красота тропических рыб.

Мы не знаем их названий. И нет атласа промысловых рыб Индийского океана. Мы считаем ядовитыми тех, которые не имеют чешуи. Остальные идут в котел. До этого они плавают в рабочей шлюпке, прячутся от солнца в тень под банками. Мне, конечно, жалко их.

«SOS» в Индийском океане

1. Аргус, прозванный Паноптес, т. е. всевидящий, – сын Агенора или Инаха, по преданию, многоглавый великан, поборовший чудовищного быка, опустошавшего Аркадию. Он задушил тоже змею Эхидну, дочь Земли и Тартара. Гера превратила его в павлина и разукрасила его глазами павлиний хвост. Первоначально многоглазый Аргус означал звездное небо. Миф Аргуса часто изображался на вазах и на помпейской стенной живописи.

2. Аргус – вид фазана, с чрезвычайно длинным хвостом, водящийся в Малакке и на острове Борнео.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

«Аргус» – название крупнейшей международной морской страховой компании.

04.10.69

Спал после ночной вахты.

Из динамика проскрипел голос старпома: «Электромеханику срочно в машину! Электромеханику срочно в машину!»

Я открыл глаза и полежал, раздумывая, что могло случиться.

Ритм вибрации динамо изменился, потом динамо вообще тихонько заглохло. И умолк шум воздуха в соплах кондишена.

Стало тревожно на душе. Отчетливо вспомнилось, как лет пятнадцать назад в поселке Дровяное на Кольском заливе вот так же сбавило обороты и вырубилось динамо на аварийно-спасательном судне «Водолаз». Я дежурил по кораблю. И когда спустился в машину и прошел в котельное отделение, то увидел плачущего кочегара Амелькина. Он заснул на вахте, упустил воду и сжег котел. А мы стояли в получасовой готовности и были единственным спасательным кораблем на весь Северный флот.

Амелькина судили показательным судом, получил он десять лет. Чем отделались остальные, и не помню. Сам отделался легким испугом. Но с тех пор полная тишина на судне всегда будит в душе страх.

Я влез в шорты и поднялся в штурманскую рубку. На карте островов Каргадос-Карахос лежали две радиogramмы.

«Всем судам: советское спасательное судно „Аргус“ сел на рифы Рафаэль широта 16.50 южная долгота 59.40 восточная требуется срочная помощь тчк все суда просим сообщить возможность ее оказания. Директор-маринер острова Маврикий».

«Радиоаварийная Владивосток. Последний раз слышали сигналы SOS шлюпочной радиостанции „Аргуса“ 06.44 МСК указал свои координаты широта 16.50 южная долгота 59.40 восточная наши вызовы не отвечает 09.00 МСК буду указанной точке радар наблюдаю группу судов экипаже „Аргуса“ пока сведений нет. Капитан т/х „Владимир Короленко“».

Под радиogramмами на карте 1881 было написано о лейтенанте Мюдже и его людях: «...они проникли сюда через рифы с западной стороны, так как ни одно судно не отважилось подойти с мористой стороны...»

– Что будете делать? – осторожно спросил я Георгия Васильевича.

Капитан расхаживал по мостику взад-вперед и имел явно недовольный вид.

– Что делать, если какой-то дурак разваливается на рифах? Приказал экстренно готовить машину. Механики оттабанили, и динамо вырубилось. Доклада жду.

Ну вот, подумал я. Через сто сорок четыре года нашлось все-таки судно, которое отважилось подойти к этим рифам с мористой стороны. Как они не услышали гула прибора? Как не увидели белой полосы наката впереди?

– Чиф успел запеленговать их SOS. Пеленг лег так, – показал капитан. – Возле островка Мейперт. Правда, SOS был очень слабый. Очевидно, работала аварийная рация и садились аккумуляторы. Или работала шлюпочная рация, то есть они уже покинули судно.

Координаты, которые дал «Аргус», были далеки от пеленга.

– А сторону передатчика успели определить?

– Да. Он к востоку от нас.

– От них там должно остаться одно месиво, – сказал я.

– Посмотрим. Какая видимость была ночью на вашей вахте?

– Хорошая. Небольшая облачность.

– Зарева ракет не видели на облаках?

– Нет. И, честно говоря, я не очень разглядывал облака.

– Чего встали раньше времени?

– Динамо вырубилось – я и встал.

Он вышел на крыло, сунул руки в карманы шорт, спел:

Мать родная тебе не изменит,
А изменит простор голубой...

У него приятный голос, и, главное, когда он напевал, у него получалось настроение. Он умел передавать настроение, скрытое в словах и простой мелодии.

На семнадцати градусах южной широты солнце быстро поднимается над океаном. Оно поднималось над бледной полосой прибора на рифовом барьере. Мир был вокруг. Океан блистал. В тишине раздался глухой взрыв. Здоровенная заглушка врезалась в фальшборт рядом с капитаном.

Капитан сохранил спокойствие и только кротко заметил, что если бы выхлопная труба не дала промаха, то ему, Георгию Васильевичу Семенову, была бы труба.

– Позвоните в машину, – приказал он. – Узнайте, что там еще случилось.

Вообще-то нам обоим было ясно, что впопыхах механики, запуская дизель-динамо, забыли открыть заглушку выхлопной трубы. В тропиках дыры надо обязательно закрывать – тропические ливни.

– В машине, – сказал я в телефон. – Чем это вы стреляете? Капитана чуть не убили.

– Чего-нибудь вылетело? – спросили из машины.

– Да.

– Это окунь, – сказали из машины. – Его электрики коптить повесили в выхлопные газы. Мы динамо запустили, окунь и вылетел. Под напором газов.

– Георгий Васильевич, – доложил я. – Это копченым окунем вас чуть не прихлопнуло.

– Ясно, – кротко сказал капитан. И приказал: – Сходите к радистам. Может, у них радиоперехваты есть. Дальневосточник «Короленко» к ним идет. Раньше «Тикси» их на буксире тащил. Тоже полным возвращается.

Начрации и радист Саня сидели в напряженных позах, вылавливали из эфира обрывки разговоров других судов. Обрывки ни в какую картину не складывались: «...т/х „Тикси“ неизвестным причинам на связь не выходит... слежу всех судовых частотах... предполагаемые координаты места посадки „Аргуса“... полагаю подойти... вашей просьбы будет достаточно...

„Аргус“ не отвечает... последнее сообщение было в адрес Москвы: оставляем судно... имеем РДО т/х „Тикси“ не на св...»

Начрации сунул мне бланк радиогаммы.

– Передай мастеру. «Тикси» давала на Владивосток.

«Радиоаварийная ВЛДВ. Ваш 642 зпт 646 обратился запросом директору навигации острова Маврикий просьбой высылки спасателя зпт вертолетов снятия экипажа „Аргуса“ тчк получил ответ Маврикии нет вертолетов тчк еще раз обратился просьбой немедленной высылки спасения экипажа любых средств способных быстро оказать помощь тчк 647 связь „Короленко“ поддерживаем он 09.00 московского должен быть месте аварии при получении ясности информирую незамедлительно тчк капитан „Тикси“».

Я передал радиогамму капитану и спустился в каюту. По современному морскому закону, если ты не на вахте, то можешь быть свободным. Что бы ни происходило – не твое дело. Если тебя вызовут на мостик, значит, ты нужен. Если не вызывают – занимайся чем хочешь.

Было неприятно, что ночью не сработала интуиция. В пятнадцати милях произошло несчастье, а я не почувствовал его. Телепатия отказала. Она много раз выручала меня, эта телепатия. Особенно при неожиданном сближении со встречным судном. Как будто кто-то толкнет в затылок: «Возьми бинокль!»

Морскую интуицию я объясняю обыкновенной физикой. Любое судно окружено магнитным полем, даже если оно прошло размагничивание по всем правилам, и гравитационным полем. И это поле воздействует на тренированный мозг. И ты вдруг стопоришь машину или включаешь радар. Все очень просто.

Сию без дела в каюте, думаю о чем придется, а близко погибло судно, четыре десятка людей океан превращает на рифах в лохмотья. Жизнь дает мне сюжет, размышлял я, глядя на сохнувшие кокосовые орехи и желтые ветки пальм. Надо будет забрать у радистов копии всех радиогамм.

И поднялся в рубку.

Вахтенный третий штурман стирал с карт старую прокладку.

– Новое есть? – спросил я.

– Начальник во Владивостоке решил, что мы его подчиненные, – сказал Женя. – Командует. Он не знает, что над нами властвуют небесные светила и сам Папанин. Смотри РДО.

«Владивостока.

Аварийная пять пунктов.

Копия Москва Грузинскому.

Старшим капитаном спасательной операции назначается км „Владимир Короленко“ Полунин, которому определить участки островов Каргадос, Рафаэль между судами „Тикси“, „Боровичи“, „Невель“. Максимально используйте светлое время суток обнаружения экипажа „Аргуса“. Случае безрезультатных поисков км Полунину направить одно судно галсами от южной оконечности Каргадос на восток связи возможностью уноса шлюпки сильным восточным течением. Км „Боровичи“ „Невель“ обязываю принять участие поиске спасения, дать полную консультацию капитанам участвующим операции судов о течениях навигационных особенностях. Проявляйте определенную осмотрительность осторожность плавании этом рифовом неизученном районе ЧМ Бянкин».

Автору радиогаммы, очевидно, казалось, что остров Рафаэль и острова Каргадос – разные вещи. А Рафаэль входит в Каргадос, как виноградина в гроздь. И «обязывать» нас принять участие он права не имел. Нами командовал дважды герой Папанин из Москвы. И мудрое

распоряжение рыскать галсами по направлению востового течения было слишком очевидным, чтобы засорять эфир лишними словами. А предложение капитану «Короленко» «разделить» острова между всеми нами было обыкновенным бредом. Там островов – кот наплакал. Там сплошной барьерный риф и отмели.

Но надо, конечно, взять в расчет, что между нами и ЧМ Бянкиным по прямой было около шести тысяч километров. Эта прямая секла половину Индийского океана, Цейлон, Бенгальский залив, весь сражающийся Индокитай, сам Китай, Желтое и Японское моря. Детали с такого расстояния видны плохо, а командовать начальство должно, иначе оно не будет начальством.

Из машины позвонили о готовности. Я вернулся в каюту. Старая мудрая «Эрика», купленная на первый в жизни гонорар, покрасневшая от ржавчины, прошедшая со мной по всем возможным океанам, спокойно смотрела на хозяина со стола. Она готова была вильнуть хвостом, если бы он у нее был. Она – мой верный пес. Она предлагала сесть за клавиши и оставить что-нибудь на память потомкам.

Погромыхивала якорная цепь. Я хорошо слышал ее, потому что открыл окно.

09 ч. 05 м. Снялись. Огибаем остров Кокос с юго-запада. Данные аварийным судном координаты не соответствуют действительным, так как мы уже возле них, а океан пуст. Очевидно, они сели севернее, ближе к Рафаэлю, а шлюпка будет пытаться обогнуть рифы еще севернее, если у нас есть какая-нибудь свобода маневра. В радар видно два судна. Очевидно, «Короленко» и снявшиеся раньше нас с якоря «Боровичи». Будем обходить архипелаг с юга на север вдоль рифов. В самый неподходящий момент судовой пес Пижон вылез на носовую надстройку и, как всегда стеснительно оглядываясь в сторону мостика, пописал на вентилятор, подняв по всем правилам ногу, что он из-за качки далеко не всегда может делать.

Ветер юго-восточный 6–7, зыбь по ветру, видимость хорошая, легкая дымка по горизонту. У рифов очень большой накат. Остается непонятным, как они его не увидели и не услышали.

09 ч. 30 м. Идем вокруг архипелага цугом, один за другим на видимости друг у друга: «Боровичи», «Короленко», мы. Главное в том, что все капитаны боятся приближаться к коралловому барьеру ближе пяти миль, так как острова на карте указаны приближенно и нет достоверных глубин. Все опасаются заходить за стометровую изобату, а на расстоянии в пять миль мы все равно ни черта не увидим ни в локатор, ни в бинокли. Если шлюпка «Аргуса» не смогла выгрести на ветер, к востоку, и попала в буруны, вряд ли кто сейчас еще жив. Быть может, SOS давала автоматическая рация без людей. Идем малым.

Самое интересное, что нет в нас волнения, никто пока не осознает несчастья. И я вот спускаюсь в каюту, чтобы печатать эти строчки, и борюсь с желанием лечь и вздремнуть перед вахтой.

В 11 часов «Короленко» дал радиограмму: «Подошел месту аварии „Аргуса“ широта 16.35 южная долгота 59.42 восточная. Восточной кромке рифов сильный прибой подойти борту невозможно. Лагуне за рифами бот с экипажем. Передали светом светограмму. Снимать будем западного берега. Вероятно поняли. Бот парусом пошел западную кромку рифов. Связи ними не имеем подробности пока сообщить не могу. Следую западной кромке. Км Полунин».

Эту радиограмму перехватили наши радисты. Показалась подозрительной фраза: «Бот парусом пошел западную кромку рифов». На современных спасательных вельботах под парусом никуда не пойдешь, а уж лавировать под аварийным парусом в лагуне среди рифов – чистая фантастика.

– «Короленко», я – «Невель», какого цвета видите парус? Почему считаете бот принадлежащим «Аргусу»?

– Парус белый.

– Треугольный?

– Да.

– На спасательных вельботах парус оранжевый. Вы, очевидно, видели парус местных рыбаков. Они здесь иногда шастают в лагуне на пирогах.

«Короленко» задумчиво чесал в затылке. Поторопились они с радиограммой. Сотни людей в Москве, Владивостоке, на судах в океане вздохнули с надеждой: моряки «Аргуса» живы, на боте, в тихой лагуне.

Но дело в том, что только Нептун пока знал истину – какой бот или пирога, какие люди на нем и сколько их.

Воодушевленные сообщением о боте с экипажем «Аргуса» в лагуне, Москва и Владивосток щедро посылали целевые указания, советы и приказания сыпались как из мешка. В дело вступил замминистра Морского флота СССР. Он дал «Короленко» аварийную: «Своих действиях, результатах информируйте советского посла Маврикии Порт-Луи Рославцева. Случае необходимости обращайтесь к нему за помощью. Сообщите все ли люди „Аргуса“ на боте. Дальнейшем информируйте каждые четыре часа».

«SIS, три пункта. Приказу ГУМОРА Афанасьева доклада выше (читай: правительству) необходима ваша регулярная информация положения дел спасения экипажа „Аргуса“. Обязываю каждый час информировать обстановке погоде принимаемых решениях. Ваша задача до темноты взять борт экипаж „Аргуса“ любыми средствами вашего судна или средствами экспедиционных судов. Сообщите как усматривается „Аргус“».

«Владивосток тчк Аварийная тчк Три пункта тчк Учитывая опасность зпт неизвестность района западу островов зпт отсутствие пособий съемку экипажа „Аргуса“ обеспечьте одним из экспедиционных судов имеющих меньшую осадку зпт более знакомым данным районом тчк Приготовьтесь приему экипажа „Аргуса“ зпт размещению зпт возможному оказанию медпомощи тчк Плавании проявляйте осторожность тчк Бянкин тчк».

После этого чуткого совета в эфире наступила тишина. И в этой тишине мы шли полным ходом, оставляя в приличном удалении с правого борта островки с чарующими названиями: Кокос, Авокейт, Жемчужный...

Следует сказать, что последняя радиограмма была вручена капитану и зачитана им вслух во время обеда в кают-компании. Старпом расщедрился на ананасы. Мы сосали ананасы и слушали о том, что нам следует проявлять осторожность.

Без пяти полдень я сел у приемника в трансляционной будке, чтобы в сто девятый раз за рейс взять поправку хронометра. Потом принял вахту.

В бинокль уже видны были пальмы Рафаэля. И рыболовная шхуна, стоящая на якоре правее острова.

«Короленко», как и положено такому честному писателю, борцу за справедливость и вообще гуманистию, еще раз подошел к месту аварии «Аргуса».

Белые паруса вместо оранжевых на боте в лагуне терзали совесть его капитана. И км Полунин продемонстрировал полную меру морской честности. Он дал радиограмму в Москву и во Владивосток: «Вторичном подходе месту аварии выяснилось от места аварии отошел бот здешних рыбаков направился западной кромке зпт сняв прибрежных рифов группу людей зпт количество принадлежность которых неизвестно тчк Обследование восточной части невозможно зыбь три метра сильный прибой тчк Ждем сообщения т/х „Невель“ который будет спускать вельбот искать подходы берегу рифам тчк».

Здесь все было правда. Дело переходило в наши руки. Но я хорошо представлял себе км Полунина, когда он все ближе и ближе подводил свой здоровенный, полный груза теплоход к рифовому барьеру фактически без карты, чтобы точно разглядеть, что там за шлюпка мечется на волнах и кто в ней. И только когда разглядел, дал «полный назад» и вытер лоб. И подписал радиограмму. А трехметровая зыбь поднимала и опускала тушу честного писателя «Короленко», «Дети подземелья» которого мы читаем в детстве и плачем над судьбой голодных умирающих ребятишек. Ох, если б сам Владимир Галактионович сейчас мог с небес подсказать нам, когда и что делать. Сверху хорошо видно.

Я давно уже готовился к тому, что пойду на вельботе, что впереди возможна опасная работа. Я снял кальку с карты 1881. Продумал, как одеться. И уже мысленно подбирал людей.

Второй помощник – командир аварийной партии. Тем более я уже достаточно покрутился среди бурунов архипелага.

Однако, как я уже сто раз говорил, все на море происходит неожиданно. Была середина моей вахты, когда мы шлепнулись на якорь и стали готовить вельбот к спуску.

– Старпом пойдет, – сказал Георгий Васильевич. – Свою вахту каждый стоит сам.

На добрую минуту я превратился в несчастную жену Лота. Если бы Георгий Васильевич тогда не смиростивился, быть мне в психиатрической больнице. Я забормотал что-то о своем спецкорстве в газете «Водный транспорт», о своем спасательном прошлом и знакомстве с работой в прибое.

– Это вы умеете, – сказал капитан. – Ахтерштевень на вельботе кто погнул? Как раз в прибое вы это сделали. Да и прибоа-то там никакого не было.

– Я тогда просто упустил отлив, – заныл я нудным мальчишеским голосом.

– Да идите вы куда хотите, – сказал он. – Четвертого на вахту!

Вельбот качался под бортом. Я успел нахлобучить кепку, чтобы не получить солнечного удара, и ссыпался по штормтрапу. Старпом уже сидел на румпеле и орал для всеобщего ободрения свою всегдашнюю присказку: «Туши фонари!»

Когда командование, на которое ты настроился, вдруг достается другому человеку, кажется, что он все делает неправильно.

Я считал, что надо взять линеметательную установку, одеяла, метров сто добротных манильских тросов и парусину, чтобы можно было снять людей с разбитого судна, если они еще держатся на нем. Если люди держатся где-нибудь на верхушках отдельных скал, то снять их оттуда без снастей тоже будет невозможно. Я еще считал нужным включить в состав партии хорошего дипломированного ныряльщика и взять акваланг, чтобы по возможности обследовать аварийное судно. Короче говоря, когда смотришь со стороны, все видится яснее.

План был такой: подойти к рыболовной шхуне, которая стояла на якоре вблизи острова Рафаэль. Опросить негров. Мы были уверены, что они уже многое знают о происшедшем. Другое дело, что они могли уклониться от ответов и не сказать, где лежит разбитое судно. Дело в том, что со всякого разбившегося судна прибой выбрасывает на берег всевозможные, иногда весьма ценные и полезные, предметы. И чем позже мы подойдем к месту аварии, тем больше этих предметов аборигены смогут унести. А для нищих, забытых богом и людьми здешних негров и пустая канистра представляет ценность. Если они окажутся хорошими, то мы возьмем проводника. Соображения о том, что все они «олл ил», мы, естественно, уже не принимали во внимание.

Как только отвалили и сонный, сердитый третий механик Головятинский, сидевший за реверсом, дал «полный», нам в глаза ударили брызги пулеметными, крупнокалиберными очередями. Мы шли к Рафаэлю против волны и вечного пассата. Тропическое солнце, сияние брызг, грохот дизеля.

Нас было одиннадцать человек, из которых, как выяснилось, половина знать не знала, куда и зачем нас несет по волнам.

Головятинский вдруг заорал мне в ухо:

– Совсем вы рехнулись с этими ракушками!

– Сам ты рехнулся! – заорал я ему в ответ. – Какие ракушки?

– А зачем мы премся на Рафаэль?

Перед спасательной операцией людей следует инструктировать. И лучше всего набирать людей из добровольцев. Так было на далеком острове Кильдин, на СС «Вайгач», когда мы, быстро обмерзая, погружались в Баренцево море на разбитом логгере. Там обмерзали и погружались только те, кто вызвался на это сам. Конечно, далеко не всегда есть возможность ограничиться добровольцами, но это уже другой разговор.

Шхуна и остров приближались медленно.

Радист-мальчишка вспомнил наконец, что следует опробовать аварийную рацию. Ему не хотелось вылезать под брызги, но он все-таки вылез. Матросы помогли ему поднять на отпорном крюке антенну. Через минуту радист вернулся. Рация не работала.

– Почему?

– На нее брызги попали! – объяснил он.

Аварийная рация существует для того, чтобы работать, естественно, в мокрых условиях. Выброшенная за борт, она не только плавает сама, но может удержать на поверхности человека.

Просто мальчишка-радист не понимал, не мог понять, представить себе, что сейчас среди лазурного, ослепительного, прекрасного мерцания вод и небес расстанутся или, что было вероятнее всего, уже расстались с жизнью тридцать восемь человек, что они уже превратились во все это океанское и небесное великолепие. И что в далеком Владивостоке сейчас уже толпятся в коридорах пароходства их жены, матери и дети, ожидая очередной радиограммы, ловя выражение лиц капитанов из службы мореплавания.

Все-таки, подумалось мне, умирать под солнцем веселее, нежели под саваном полярной ночи, в метель, когда воздух минус шесть, вода плюс один градус и ветер шесть баллов с норда...

От рыболовной шхуны «Сайрен», стоявшей в ее любимом местечке – у второй к югу от Рафаэля отмели, – отвалила маленькая шлюпочка и пошла навстречу.

Сойтись борт к борту на волне было сложно, и мы со шлюпочкой покрутились друг за другом, как крутятся собаки, чтобы догнать свой собственный хвост, и наконец ткнулись носом в корму.

Двое негров молча таращили на нас глаза, а тот обросший бородой белый, которому я оставил пять пачек сигарет «Новость» и пачку открыток зимнего Ленинграда, передал нам подмокшую бумажку.

Мы занялись английским языком. Это было трудное дело, потому что текст оказался рукописный, мокрая бумажка расплзалась в пальцах, ее еще рвал пассат. Но мы все-таки разобрали – это был текст радиограммы от морского директора острова Маврикий, который мы имели еще на судне: «Советское судно „Аргус“ терпит бедствие и т. д.».

Шлюпочка держалась поблизости, и мы стали орать аборигенам основной вопрос: «Живы люди? Где люди?»

Они, как положено, махали руками в разные стороны, потом пошли к шхуне, зовя нас за собой.

Если вы видели фильмы и читали книги, действие в которых происходит на южных колониальных островах, то сможете представить эту шхуну, обходящую архипелаг и собирающую от разных бедолаг-одинок рыб, черепах, моллюсков и прочие ценности. Человек двадцать негров, одетых точно так, как их одевают костюмеры в наших опереттах, – в сомбреро, пробковых шлемах, полуголые, босые, в фетровых шляпах конца прошлого века, в разрисованных мотоциклами рубашках нынешнего века, – схватили наши фалиня и закрепили на борту своей «Сайрен».

Старпом, я и Перепелкин вылезли на палубу шхуны. Палуба оказалась неожиданно чистой, и даже обычной вони от гниющей рыбы не ощущалось.

По скоб-трапу мы поднялись в малюсенькую штурманскую рубку, где одновременно не могли поместиться больше трех человек. Капитан шхуны, одетый по-европейски, элегантный и эластичный молодой негр (у него даже манжеты белые торчали из рукавов, хотя металлическая малюсенькая рубка была раскалена солнцем и в ней было как в духовке, когда в нее собираются запихать уже нашпигованного гуся), разложил на штурманском столике карту. Это была все та же английская карта 1881. Слава английскому лейтенанту Мюдже! Судя по всему, сегодня нам придется почувствовать то, что ощущал он сто сорок четыре года тому назад, снимая на карту восточную сторону архипелага в вечном прибое Индийского океана.

Карта – это не грамматика, не спряжения-ударения, безударные гласные и прочая безнадежно сложная наука. Карта – это такая вещь, при помощи которой наши переговоры сразу стали обоюдопонятными. Морская карта для моряков, что игральные карты для игроков, – можно обходиться и без языка.

Мы положили на карту лейтенанта Мюдже свою кальку с отметкой места гибели «Аргуса».

«Короленко» правильно определил координаты: эластичный негр кивнул и подтвердил, что «Аргус» разбился там, где он разбился на нашей кальке. О судьбе людей он ничего не знал.

Представьте себе длинный, небрежно брошенный в воду чулок, он упал на воду извиваясь. В пятке этого чулка – остатки судна. По краям – рифы. Длина его – около трех миль. Вход в чулок – с восточной стороны. В этот вход катили волны, начавшие разбег от Индонезии и Австралии. Ширина входа – сотни две метров.

Мы пунктиром проложили на кальке курс нашего вельбота в устье чулка с востока и к «Аргусу». И поставили знак вопроса. Негр взвыл, всеми своими белками показывая, что идти этим путем «мор», то есть смерть. Нам это и самим было совершенно ясно. Теперь мы сунули негру шариковую ручку. Он повел пунктир с западной стороны сложными зигзагами. Зигзаги иногда шли по отметкам рифов, а иногда огибали свободные места с хорошими глубинами. Много времени протекло со времен последней корректуры этой карты; многое успели океан, и ветер, и кораллы, и морские звезды изменить на архипелаге Каргадос за эти времена.

Нам предстоял длинный путь.

Пожалуй, будь я на месте старпома, я не решился бы идти так далеко при вышедшей из строя рации. Пожалуй, вернулся бы на судно, чтобы посоветоваться с капитаном и взять исправную рацию. Но чиф решил иначе.

– Пойдем, – сказал он.

Пять минут потратили на то, чтобы договориться о проводнике. Одному негру надо было на маленький безымянный островок в районе аварии. Негр готов был стать нашим проводником.

Это был негр-красавец, молодой, стальной, стройный и непроницаемый как для брызг, так и для духовного общения. Он был в коротеньких трусах, пиджаке и спортивном кепи с большим козырьком – такие кепи носят жокеи.

С первого же взгляда он напомнил мне героя африканского романа «Леопард» – лучшей книги из тех, что приходилось читать о психологии негров.

Леопард сунул свой пиджак под козырек в носу вельбота и, став черной статуей, разрезал ладонью воздух, показывая направление.

Мы дали ход.

Я велел одному из матросов предложить лоцману ватник. Он отказался. Стоял, не отворачиваясь от брызг, не приседая.

Широкий был океанский простор впереди.

Островок Сайрен проходил по правому борту. Черным облаком клубились над зеленью кустиков стаи птиц. Слева уходила в бесконечность белая полоса бурунов на рифах. Зыбь. Чайки, планирующие возле самых глаз. Грохот дизеля. Черная, четкая статуя на носу. Брызги. Соль на губах. И солнце над головой беспощадное.

До «пятки чулка» – миль восемнадцать – три часа хода.

Острова, которые с двенадцати метров – высоты мостика на судне – были видны хорошо, с вельбота, то есть практически с поверхности воды, были почти не различимы. Они были плоские.

Час за часом вести вельбот, когда волна сбивает с курса, облака двигаются быстро и точку на них взять невозможно, глаза сечет брызгами, румпель оттягивает руки и весь ты уже измочален болтанкой и прыжками вельбота, – томительное и мутное занятие. Главным ориентиром была гряда рифов слева по борту – полосы белой от пены, голубой, зеленой воды. И мы шли, следуя ее изгибам и взмахам руки негра. Когда вельбот сильно сбивало волной, негр чуть злее отмахивал рукой и на несколько секунд оборачивался с укоризной.

Я шел сейчас спасать спасателей в центре Индийского океана. Чем больше нам лет, тем значительнее кажется прошлое. Некогда будничное происшествие превращается с годами в символ, поворотный момент судьбы. Поданный тебе кем-то когда-то кусок хлеба заставляет верить в общечеловеческую доброту. А мелкая детская обида настораживает против всего человечества. Мимолетная встреча в пути застревает в сознании как в высшей мере значительное совпадение. Или так только со мной?

Серый парус замелькал среди лазурных волн, он метался и кренился на курсовом угле от нас градусов в шестьдесят левого борта. Каждая молекула Индийского океана отражала солнце. Мы ничего не могли разглядеть под серым парусом. Шел он не с того направления, где, нам казалось, должен лежать «Аргус», но мы повернули на сближение. Был смысл опросить аборигенов.

Теперь вельбот устался прямо в лоб зыби. И даже скульптурный, стальной, непробиваемый Леопард стал прятаться от брызг и приседать за козырьком вельбота.

Когда оставалось кабельтова четыре, мы разглядели посудину, она сидела в воде по самый буртик: пирога с дощатыми бортами, узкая, шла не только под парусом, но и под мотором. И там мелькнуло что-то оранжевое.

Оранжевый спасательный жилет среди черных негритянских тел.

Боже, как мы завопили!

Белые люди в оранжевых нагрудниках – это могли быть только наши утопленники.

Мы махали им руками и вопили разные слова. Что это были за слова!

На пироге срубили парус.

– Ребята, там женщина!

Женщина в ситцевом, мокром, облепившем ее платье. В таких платьях, домашних, вылинялых, севших от бесконечных стирок, с короткими рукавами, женщины моют полы в коммунальных коридорах и кухнях, когда настает их очередь.

Женщина была простоволосая.

Их повыкидывало из коек ночью, в самый сон; они выскакивали на палубу, через которую накатом шел прибой, в чем спали, что успели схватить и кинуть на себя... И тьма, и грохот, и крен, и удары о камни...

Держась за мачту пироги, стоял мужчина в нашей морской тропической форме с нашивками капитана на погончиках.

– Где остальные?! – кричали мы.

Он махнул рукой туда, откуда шла пирога.

– А вы откуда здесь? – орали с пироги.

– Из Ленинграда.

– А мы из Владивостока!

Это мы знали.

– Все живы? – орали мы.

Они отвечали невразумительно.

Было два решения: забирать к себе этих восьмерых, но они уже в некоторой безопасности, в некоторой, потому что пирога явно перегружена, но, если взять их, они будут мешать нам в дальнейшей работе. И если придется лезть в прибой среди коралловых рифов, то эти восемь опять попадут в передрагу.

И мы не стали их брать, тем более что с ними был капитан.

Минут через тридцать мы увидели еще один серый парус среди лазурных волн, который так же метался, кренился и трепетал, как крыло ночной бабочки. Там оказалось семнадцать человек. Этих мы решили забрать, потому что узнали от них, что живы все.

Пока на зыби мы несколько раз подходили к пироге, чтобы попытаться сцепиться с ней бортами; пока чуть не утопили ее, ударив носом прямо в борт; пока выхватывали поштучно полуголых, обожженных солнцем, дрожащих от озноба коллег, показалась третья пирога. Это была самая крупная посуда, людей в ней было немного, она сама могла дойти до «Невеля», и негры на ней быстро поняли, где стоит «Невель».

В суматохе пересадки я не сразу разобрал, что у нас на борту оказались две дамы. Дамы вели себя спокойнее, нежели некоторые мужчины. Один из штурманов, например, слишком долго не решался расстаться с пирогой, прыгнуть через борт. Это был здоровенный детина в сингапурском нейлоновом «кожухе», надетом на голое тело. В оправдание его нерешительности надо сказать, что по лбу у него из-под волос сочилась кровь. Еще у нескольких моряков были травмы, у большинства в голову.

В результате неожиданной встречи со спасенными наш непроницаемый Леопард оказался меж двух стульев, ибо к своему острову он не добрался. Опустевшая пирога тоже шла в какое-то другое место. И нам пришлось довольно бестактно высадить Леопарда на нее. Было не до тонкостей. Он понял это, взял свой узелок с пиджаком и спокойно перепрыгнул в пирогу.

Он был благороден в каждом движении и каждом поступке. А мы даже не узнали его имени.

Правда, мы не узнали имен ни одного из тех негров, которые спасли тридцать восемь русских душ. Ведь спасательная операция уже закончилась. Мы принимали уже спасенные неграми души. Мы опоздали спасти их сами. Думаю, это к счастью.

Местные люди на своих пирогах, знающие повадки каждой струи течения возле берега, живущие всю жизнь на этих лазоревых волнах, чувствующие от долгого общения с парусом самое незначительное изменение направления ветра, рисковали меньше, чем рисковали бы мы, если б пришлось идти на тяжелом, неповоротливом дизельном вельботе в накат восточной стороны рифового барьера.

Рассказы утопленников звучали судорожно:

– ...Настил вдруг поднимается под вспомогателем... камень торчит из паела... бах!.. свет погас... ракеты все перестреляли... подаем один проводник, второй... ничего не осталось... запустили на змее антенну, она метрах в четырех от пироги – хлоп в воду!.. аккумуляторы вдребезги... а я босой по битому стеклу...

Наконец кто-то сообразил, что надо бедолагам отдать свои шмутки – сгорят ведь под неистовым солнцем.

Я кинул ватник женщине с седыми волосами, но не старой, – оказалась судовым врачом. Потом пришлось снять пиджак. Справа внизу сидел какой-то парень. До пояса он хорошо был укрыт, а колени уже обгорели. Парень укрыл колени моим пиджаком. Тут ему передали здоровенную соленую горбушу и галету.

Их кок успел прихватить мешок с продуктами. По рукам пошли и банки с водой из аварийного запаса спасательных плотиков. Есть такие обыкновенные, консервные. И надпись: «Питьевая вода. Не пить в первые сутки!» Иногда человек всю жизнь проплавает и не знает, что там запасено в спасательном плотике.

Этих ребят выручили с того света. А они уже кокетничали своим привычным обращением с питьевой водой, небрежно протыкали ножом две дырки, пили, нас угощали. Ржавым железом эта вода пахнет.

Парень с обгоревшими коленками уложил горбушу на мой пиджак и стал ее кромсать. Мой старый, верный, добрый пиджак – мне стало жаль его. Вонять теперь будет рыбой, гиблое дело. И обругать утопленника неудобно, и пиджак отнять неудобно.

Вот ведь как люди устроены. Только что я на смертельный риск шел, чтобы этого парня спасти, готов уже был к летальному исходу, а из-за пиджака, на котором он горбушу соленую кромсает, просто душа разрывается. И почему этот болван не мог что-нибудь подложить под рыбу, думал я. Мозги ему отшибло, что ли?

В какой-то книжке я читал, что у индейцев или у древних инков был закон, по которому человек, спасший от неминуемой смерти другого, автоматически становился рабом спасенного, рабом-телохранителем. Он вмешался в великий поток причин и следствий самой Природы, изменил в этом потоке нечто и должен всю жизнь нести за это покаяние и ответственность. Современному человеку такие рассуждения могут показаться дикарскими... А с пиджаком дело хана: нельзя ведь пиджаки стирать...

Старпом торчал на носу, высматривал камни, отмахивал мне время от времени рукой, показывал безопасное направление.

Средняя пирога обогнала нас, парус и мотор вели вперед ее длинное тело уверенно и красиво. А первая, перегруженная пирога исчезла в голубом пространстве. Все-таки, быть может, следовало пересадить с нее людей? Вдруг она перевернулась? На такой зыби это просто.

Мы забирали восточнее – к острову Рафаэль, а обогнавшая нас пирога отклонялась к западу, они резали угол, шли к месту стоянки «Невеля», решив, очевидно, оставить с правого борта островок Али-Бабы, где я чуть не лопнул от потрясения и жадности.

Мы пережили приключение, раздумывал я. Кто оплачивает счет? В конечном итоге любое приключение, которое интересно для тебя, оборачивается горем и бедой для другого. Кто-то должен оплачивать приключения. Даже пилот-одиночка Чичестер, разыскивая по свету приключения для себя, не знал, что заставляет далеких и незнакомых людей оплачивать невидимые счета. Его приключения кому-то стоили седых волос. Когда ты описываешь свои приключения – сегодня описывают все, ибо за приключенческие книги платят неплохие деньги, – то ты пьешь чужую кровь. Даже если никто не погиб, спасая тебя из приключенческой беды. Наше сегодняшнее приключение оплачено скорее всего судьбой вахтенного штурмана «Аргуса»...

Этот вахтенный штурман был мой коллега – второй помощник. Моего коллегу легко было узнать среди других моряков в вельботе. Он был одет с ног до головы. Он был в старенькой форменной одежде. В ней стоял вахту и увидел впереди, в ночи, белую полосу прибоя, услышал мерный, как вздох и выдох, гул. Что он сделал? Не скоро теперь рассеется для него тот ночной мрак...

Бесконечно долго идем мы назад. Ветер и течение сносят к западу, чиф отчаянно машет правой рукой. А у меня от румпеля занемели руки. Отдаю его Пете Крамарскому. Отличный паренек из экспедиции.

До чего приятно посидеть просто так, покурить, разглядывая коллег, измызганные мазутом рожи и пестроту одеяний.

Коллеги сосали карамель из запасов спасательных плотиков. Специальная карамель, чтобы меньше хотелось пить. С витаминами. И я сосал. И думал о пиджаке – пропал пиджак.

Сколько лет мне служил, где только на мне не побывал. И вот дождался, терзают на нем соленую горбушу, пойманную на Камчатке.

У всех наших было возбужденное, горделивое состояние спасителей. Большинство до конца жизни будет, вероятно, думать, что они кого-то спасли. Про негров забудут – так уж устроены люди. Пялят глаза на женщин.

– Закрой голову, – сказал я одной нимфе. – С этим солнцем шутить нельзя.

– У меня волосы густые.

– Страшно было?

– Ужас сплошной! Я такие выкройки в Сингапуре купила – закачаешься!.. Не знаете, нам валюту вернут?

– Скорее всего вернут.

– Мы в Одессу шли. Думали, рейс месяцев восемь будет – заработаем сразу хорошо. На спасателе-то рейсы короткие, валюты мало. А тут канули восемь месяцев валютных... И выкройки утонули.

Я внимательно присмотрелся к женщине. Подумалось, что ее навязчивое упоминание выкроек – нечто послешоковое, но она глядела на меня ясными глазами:

– Я толстая – сама знаю. На мою фигуру хорошие выкройки достать – проблема номер один.

Я чуть не выругался. Потом спросил:

– Как они вас вытаскивали? С воды брали?

– А я со страху и не запомнила.

– Хорошо, – сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

Люди с первой пироги успели высадиться на Рафаэль, и мы долго ждали их в проливе между островом и первой к югу отмелью, жарились под солнцем.

Белый крест на фоне тропической зелени. Тихие поклоны пальм. Жара разморила и спасенных, и всех наших. Да и устали мы уже здорово.

Несколько негров сидели на берегу в тени кустов, смотрели на нас. И мне казалось, что видят они нас насквозь, а мы в них ничего не видим, не понимаем. Мы в них понимаем еще меньше, чем в женщинах, хотя бы в той толстушке с выкройками. И никогда ничего не поймем, если они сами себя не раскроют.

А раскрыться народы могут только через литературу. Никакая этнография здесь не поможет. Правда, как мне кажется, литература показывает не само существо народа, а его мечту о себе, но, быть может, это синонимы?

Какой-то паренек с перевязанной полотенцем головой пробрался ко мне в корму, под ветер, тихо сказал:

– Я за вас подержусь...

– Давай, давай.

Вот уж к чему не приспособлены спасательные вельботы, так это к отправлению некоторых человеческих надобностей. Тут надо быть профессиональным эквилибристом на шаре, чтобы все сошло благополучно.

Остатки горбуши продолжали лежать на моем пиджаке. Но страдания по этому поводу несколько притупились.

Наконец подвалила пирога с капитаном «Аргуса» и его спутниками. Не торопились они расстаться с твердой землей и шелестом пальм.

У женщины в ситцевом платье руки были полны кораллов и ракушек. Какая красота в океанских дарах, если через несколько часов после пережитого она заметила и собрала эти ракушки и кораллы.

Все, что у нее было в каюте «Аргуса», – коробки с сингапурскими покупками, халатик там, тряпки, туфли, сувениры, фотографии родных, наверное, сумочка с помадой и зеркальцем, – все это переваривал теперь Индийский океан. А она у него взяла ракушки. Обменялись.

В вельбот перелезли еще два негра, одетые по-европейски, один даже в очках. Очевидно, они рассчитывали получить на «Невеле» презент за спасение.

Родное судно спустило забортный трап, но ветер засвежел, волна разгулялась и подойти к площадке было опасно. Следовало швартоваться под штормтрап.

Чиф от всех приключений несколько утратил глазомер, несколько изменилась, как говорится, выпуклость его морского глаза. В результате он воткнул вельбот в родной борт с полного хода. Мне даже показалось, что здесь чиф решил заменить доктора Гену, чтобы хорошей встряской поставить на место мозги потерпевших бедствие. Сам Гена уже не занимался докторскими делами. Он весь был поглощен коленками коллеги с «Аргуса» – кутал и кутал ей ножки.

После удара в борт пришлось заложить еще один вираж вокруг «Невели». Наконец ошвартовались. И мы с чифом первыми поднялись на борт, чтобы первыми получить благодарность за свои героические действия.

Мы были мокрые, уставшие, полуголые. И соленые, как та горбуша.

Георгий Васильевич злился редко, но здесь встретил нас серый от гнева. Его первые слова были:

– Почему чужие люди в вельботе? Куда вы их думаете девать? Сию минуту снимаемся на Монтевидео. Вельбот поднять! А островитян куда? В Рио-де-Жанейро?!

Последнюю неделю старпом был простужен. Его нижняя губа, изъеденная черно-красными струпьями, отвисла. Теперь она отвисла еще ниже.

Уходя несколько часов назад с судна, мы ни о каком Монтевидео знать не знали и даже думать о нем не думали, ибо, если вы взглянете на карту, то заметите, что Уругвай находился для нас почти на противоположной стороне планеты, – вот что значит работать на космическом пароходе. По плану мы должны были спокойно загорать еще две недели на Каргадосе, потом идти на Маврикий за продуктами и почтой, а... вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Ну, что вы вылупились? – спросил Георгий Васильевич. – Уже два часа Москва молотит приказ о немедленной съемке на Южную Америку, а вы посторонних на судно приволокли!

– Туши фонари, – пробормотал старпом любимую присказку, он употреблял ее во всех случаях жизни.

– Они ожидают презент, – сказал я. – Со всех возможных точек зрения, включая интернациональную, их следует поблагодарить.

– Шесть спасательных плотиков с «Аргуса» они уже получили. Это тысяча рублей валютных! Плохой презент? – спросил Георгий Васильевич. – И сколько они еще всего выловят! Идите на вельбот, Виктор Викторович, и возвращайтесь назад самым полным. Мы еще сколько времени потеряем, пока будем утопленников на «Короленко» передавать – погода портится.

– Вы совершенно правы, но что-то символическое им следует дать, – уперся я, представив себя на вельботе перед двумя неграми, которые хотят лезть по штормтрапу на «Невель», а я их не пускаю. – Они же не поверят, что мы вдруг действительно должны, экономя каждую минуту, нестись через два океана к Южной Америке. Откуда они знают специфику судна? Они обидятся насмерть. И все это на мою голову, а я человек деликатный.

– Идите на вельбот, Виктор Викторович, – сказал мастер. – Что-нибудь символическое мы вам туда спустим на веревке.

Из вельбота начинали эвакуацию женщин. Эвакуация производилась по правилам хорошей морской практики. Каждая женщина была встегнута в такелажный пояс с линем, линии держали высоко на борту гогочущие матросы. Неожиданно вытащить из океана четырех женщин посередине длинного скучного рейса – такое редко случается.

Вслед за женщинами, как я и ожидал, подвалили к трапу островитяне. Разговор, который состоялся между нами, на человеческий язык перевести нельзя. Такой разговор французы называют «пэльмэль» – «мешанина»:

- Монтевидео! – кричал я.
- Олл райт! – отвечали они.
- Цурюк! – кричал я.
- О'кей! – раздавалось в ответ.
- Но! – кричал я.
- Бонжур, камарад! – приветствовали они.

Презент все не опускался на веревке, как было обещано, и я походил на собачку из рассказа Джека Лондона, которая обороняет хижину хозяина-пьяницы от дюжины волков.

Наконец с небес спустились три бутылки в авоське.

Я гаркнул, чтобы отдавали концы. Концы в тот же момент упали в вельбот. За моей борьбой следили сверху, конечно.

– Самый полный! – рявкнул я механику.

И мы опять рванулись в зыбь и брызги. Островитяне развернули бумагу с бутылок, несколько удивились, а затем протянули мне бланк, заполненный каракулями, в которых не разобрался бы даже академик Крачковский.

Я смело подмахнул бланк: «Секонд мейт мотошип „Невель“» – и автограф. Так как дело происходило на прыгающем вельботе и под брызгами, то разобрать мои каракули отказался бы и лучший эксперт-графолог мира.

В конце концов, здесь оставался «Короленко», он был назначен главным в операции по спасению. И я не сомневался, что «Короленко» с русской щедростью отблагодарит спасателей, ибо я не знаю случая, когда наши моряки оставались в долгу.

Мой автограф на бланке ободрил негроидов, они стали улыбаться, хлебнули винца, и мы высадили их на борт «Сирены» в отличном настроении. Я велел не подавать на «Сирену» концов и, как только негры вылезли, врубил опять «самый полный».

Экипаж шхуны вывалил на палубу и дружно махал нам вслед. И мы махали им и кричали: «Сенькью!»

И это было трогательно, потому что все люди на земле все-таки братья.

История аварии на официальном языке звучала так.

Спасательное судно «Аргус» следовало из Владивостока на Одессу с заданием обеспечить перегон дока. В целях сохранения моторесурсов «Аргус» следовал на буксире теплохода «Тикси». 1 октября при ветре 5 баллов и крупной зыби лопнул буксир.

Учитывая сложную гидрометеобстановку, капитаны приняли решение следовать самостоятельно к острову Маврикий, под прикрытием которого завести новый буксир.

Выбрав на палубу оборванную часть троса и получив от «Тикси» исходную точку, «Аргус» дал полный ход и лег курсом на Маврикий.

Первое время суда следовали в визуальной видимости друг друга.

2 октября капитан «Тикси» сообщил, что по техническим причинам не может идти длительное время с уменьшенной скоростью, и по согласованию с «Аргусом» дал «полный» и ушел вперед.

3 октября капитан «Тикси» сообщил на «Аргус» о замеченном им сильном дрейфе на запад, однако это предупреждение капитаном «Аргуса» не было принято во внимание, и судно следовало прежним курсом.

4 октября в 00.00 на ходовую вахту заступил второй помощник. По данным счисления судно находилось примерно в 60 милях восточнее островов Каргадос-Карахос.

Погода к этому времени: низкая облачность, видимость от 2 до 6 миль, ветер юго-восточный 5–6 баллов и крупная зыбь того же направления.

В 01.50 впередсмотрящий прямо на носу в расстоянии около одной мили увидел прибойную полосу воды, о чем немедленно доложил вахтенному помощнику, который выскочил из рубки на правое крыло и, убедившись, что судно идет прямо в буруны, скомандовал «право на борт», после чего по переговорной трубе вызвал на мостик капитана.

Через 3 минуты «Аргус» с полного хода ударился о подводные рифы, и только в этот момент был дан полный ход назад.

В 01.56 судно плотно село на восточную кромку рифов Каргадос-Карахос. Через пробоины в корпус судна стала интенсивно поступать вода. Крен судна достиг 60° на левый борт.

В 02.00 по радио был дан сигнал бедствия и указаны координаты.

Из-за большого крена и сильного волнения моря спустить спасательные боты не удалось. Утром со стороны мелководной лагуны, находящейся за прибойной полосой, подошли шлюпки местных рыбаков, на которые с помощью спасательных плотов ПСН-10 начал переправляться экипаж.

В 12.20 весь экипаж покинул судно, благополучно переправившись в рыбацьи шлюпки.

По неписаной традиции заботу о спасенных берут на себя таким образом: стармех – стармеха, радист – радиста и так далее.

Мой обреченный на кару коллега был очень молод. Вторым помощником он стал уже в рейсе, неожиданно, потому что одного из штурманов за что-то отправили из Сингапура домой на попутном судне.

Я выклянчил у завпрода бутылку сухого «тропического» вина. И мы выпили с коллегой.

– У нас во Владивостоке крысы бежали с буксира... – так начал он.

– Это ты следователю будешь говорить, – остановил я его. – Или, еще лучше, прокурору на суде. Небось эти ребята сразу за носовые платки схватятся, чтобы слезы вытирать, когда про бегущих крыс услышат. Давай-ка мне все как на духу.

Он изложил свою легенду. Незачем приводить ее здесь. Потом слово взял я.

– Слушай меня внимательно, – сказал я. – На «Короленко» вы будете чапать до дома около месяца. За это время ты должен: выучить устройство своего буксира, его маневренные элементы, аварийные расписания, обязанности по тревогам всех членов твоей аварийной партии, правила применения РЛС, действия вахтенного штурмана при открытии неожиданной опасности прямо по курсу и Устав. И знать все это как «Отче наш», ясно?

– Что такое «Отче наш»? – спросил мой коллега.

– До самой швартовки во Владивостоке ты должен ночей не спать и зубрить все, включая ППСС, хотя тебе и кажется, что это не имеет отношения к делу. Все будет иметь отношение. Когда тебя возьмут в перекрестный допрос старые капитаны из комиссии по расследованию, тебе пригодится абсолютно все. А если ты будешь до Владивостока в «козла» резаться, то срок окажется значительно больше. Или ты зарубишь себе на носу то, что я сказал, или гореть тебе голубым огнем. Еще: ты периодически включал эхолот и радар всю вахту, ты имел на мостике двух матросов, и ты первый увидел белую полосу впереди.

После этой инструкции я подарил ему на память раковину и дал письмо к своей матери – это письмо плавало со мной уже около месяца. Он поклялся, что письмо не потеряет и опустит во Владивостоке сразу же.

Он сдержал свое обещание.

Больше всего хотелось спать. Впереди ждала ночная ходовая вахта. Но я зашел к старпому. Там сидел капитан «Аргуса» и его старпом.

Большое впечатление произвело на меня олимпийское спокойствие капитана. Он был толст, весь исколот азиатской татуировкой.

– Я на «Аргусе» год во Вьетнаме отработал, – сказал капитан. – Жалко судно. Но оно уже столько раз на том свете побывало... И под бомбежками, и...

Я рассматривал его татуировку и думал о том, что сейчас аварийных капитанов судят редко, слава богу.

Сейчас никому не придет в голову искать в неверных поступках капитана злой умысел.

– Вот как в жизни бывает, – сказал капитан «Аргуса». – Я спасал киприота «Марианти», англичанина «Верчармиан» – тащил его до самого Гонконга, заделывал дыры на итальянцах, ремонтировал греков... Я потерял человека под бомбежкой на реке Кау Кам... Он посмертно орден Ленина получил, мне Трудового дали... И так вляпался! Ладно, ребята, поговорим о другом. Когда из дома?..

Быть может, он уже слишком много хватил в жизни, подумалось мне. Быть может, ему надо было бы как следует отдохнуть перед этим рейсом? Или вообще завязывать с морем? Быть может, он слишком привык к морю, перестал уважать его?

Старпом «Аргуса» был сух, сед, длинен, заметны в нем были следы потрясения. Он был, как и я, из военных моряков, капитан-лейтенант в прошлом. Сказал, что еще в Японском море трижды рвались буксирные тросы. А для работы с буксирными тросами у них на баке едва пять квадратных метров пространства было. Измучились на выборке тросов, пошли без буксира. «Тикси» оторвался, ушел далеко вперед. В океане секстанами работать точно не могли из-за очень сильной качки.

Сэр Исаак Ньютон мог бы обидеться за такие слова о секстанах, но чего в море не бывает. Здесь все может быть.

Старпом устался на свои босые ноги, пошевелил пальцами.

– Вот босой остался... голый выскочил сперва... соляр везде, волосы слиплись... Особенно удары эти!.. Чемоданчик потом все-таки прихватил, так он пустой оказался... Если «Короленко» заход дадут на Сингапур, нам валюту восстановят, так и выйти в магазины не в чем... Может, ребята, пока нас ходили искать, чего-нибудь из имущества пострадало, утеряти чего? Тогда составляй акт, подпишем... И на продукты акт составляйте...

– Туши фонари, – сказал старпом теплохода «Невель». – Не надо. Всех покормили уже. Обойдемся. А вашим женщинам наши девчонки свои халатики поотдавали... Толстуха, которая совсем почти голая была, как поужинала, говорит: «Ну вот, обсохла, накушалась, теперь бы еще веселого кавалера под бок...»

– Это они могут, – сказал капитан «Аргуса».

Мы позлословили немного о морских женщинах, их причудах.

В голове шумело кислое «Ркацители». Возбуждение давно угасло, стало скучно.

И я был рад, когда трансляция прорычала: «Членам экипажа спасательного судна „Аргус“ приготовиться к переправе на теплоход „Короленко“».

А через час мы уже шли полным ходом. Впереди опять был океан, и темнота, и дальняя, и дальняя дорога...

Вокруг да около Святой Елены

Радиопеленг со Святой Елены на судно стоит один фунт стерлингов, два шиллинга, шесть пенсов. Запрашивать пеленг следует через Лондон с указанием точного времени нужды по телеграфному адресу.

Лоция Атлантического океана

Вода там в ограниченном количестве. Сыр там, ребята, дешевый. И очень дорогая картошка...

Из разговора с встречным судном

Океан днем был синим и спокойно-прекрасным.

Потом была стопятидесятая ночь за рейс, тропики, средняя видимость, слабая зыбь, курс девяносто девять.

Был включен радар, работал рулевой автомат, я один вышагивал ночную вахту. Правда, молчал в углу еще один товарищ. Он только нос высовывал из-под вороха флагов – здоровенный чайник с крепким чаем.

Мы пересекли Атлантику из района острова Тринидад на бухту Уолвис Бей. У берегов юго-западной Африки, оккупированной ныне Южно-Африканской республикой, нас поджидал танкер с собачьим именем «Аксай». Танкер валялся в дрейфе у пустыни Намиб, недалеко от мыса Пеликан. Там где-то жили последние буры, хирели их соляные копи под натиском огромных подвижных дюн. Девяносто – стопятидесятиметровые дюны – полтора Исаакиевских собора – с мрачным подземным гулом пересыпались по пустыне Намиб к берегу. Дюна за дюной, холм за холмом. А океан вышвыривал эти холмы обратно – век за веком.

На карте отмечены были кости кита. Они белеют грудой на темном фоне прибрежных скал. Их координаты нанесены точно, по ним можно определяться. Любимец Мелвилла и после смерти служит морякам. Недалеко от груды китовых костей есть полицейский пост у Анихаба, на посту колодец, то есть пресная вода.

В бухте Уолвис Бей случаются извержения подводных вулканов, и на поверхности ее появляются небольшие острова, состоящие из ила и глины. После прекращения извержения острова исчезают. Лоция отмечает как «характерное явление» образование еще и больших пузырей с сероводородом. А когда пузыри лопаются, то характерным делается запах сероводорода. Процент газа в воздухе бывает так высок, что медные детали на судах тускнеют. Тускнеют и части судна, окрашенные белилами.

Буи в бухте белого цвета, хотя никто не тратил на них краски, – они покрыты густым слоем гуано. И как такая жуткая бухта не отпугивает птиц?

До всего этого было около тысячи миль. Когда долго плаваешь в океанах – это не состояние.

А слева на траверзе таился во мраке остров Святой Елены. За рейс мы уже обошли Елену со всех сторон.

Одинокие острова всегда волнуют. Как отшельники.

Мы стадные животные. И отшельники удивляют, вызывают даже подбострастное уважение. В одиночестве и человек, и клочок суши накапливают неведомую внутреннюю силу. Толстой все сказал об этом в «Отце Сергии». Накопив неведомую силу, отшельники отдавали ее – или в заветах мудрости, или простым прикосновением руки исцеляя страждущих. Заряженный одиночеством, самососредоточением, аккумулятор разряжался, отдавая целительный ток слабому.

Плавающие люди немного отшельники. Я уж не говорю о Чичестерах. Быть может, потому их так волнуют одинокие острова над океаном. Большинство таких островов имеет в названии «святой» или «святая». У первопроходцев возникло в душах восторженное и религиозное чувство, когда из волн – всегда неожиданно – показывался одинокий остров.

Острова... Написать когда-нибудь книгу обо всех островах, где пришлось побывать. Расставить их по жизни как вехи. Через них вернуться в прошлое.

Начать с «Новой Голландии». Петр нарек так крохотный островок среди каналов и речек в Петербурге. Петра бесили великие открытия западных людей в океанах. Новой Голландией когда-то называли Австралию. Быть может, Петр нарек так крошечный островок в столице, чтобы сказать: «И мы еще должны кое-куда успеть!»

И Беринг отправился в путь.

А Беллинсгаузен потом успел к Антарктиде первым.

В морском соборе, построенном рядом с «Новой Голландией», были упокоены души всех русских моряков, погибших при Цусиме. Этот собор взорвали на моих глазах. И построили завод.

Я много лет прожил в тридцати шагах от острова «Новая Голландия», но не ступал на него ногой. Там были самые разные склады. Как все запретное, остров дразнил мальчишеское воображение. На земляных откосах канала цвела пышная сирень. Возле самой воды по весне вспыхивали первые желтые одуванчики. Между тополями виднелось таинственное здание бывшей морской тюрьмы, круглое, красного кирпича, с маленькими тюремными окошками-бойницами. Мать рассказывала, там сидели революционные матросы. В семнадцатом матросы брали «Новую Голландию» штурмом – там засели юнкера. Мать говорила, матросы шли на штурм ночью, с факелами; в нашу квартиру залетела пуля. Возможно, это семейная легенда – романтизм в семействе наличествует явно.

Многие годы к тайнам «Новой Голландии», к сирени и одуванчикам было не пробиться: часовые, проволока, огромные глухие ворота.

И вот осенью сорок пятого, в белой брезентовой робе и бескозырке без ленточки – салага, – я на полutorке въехал в мир детских тайн за продуктами. Мы грузили, спуская по деревянным сходням из старинных складов мешки с мукой и ящики с комбизиром. И я уже оттуда смотрел на близкие окна родного дома. К ним с «Новой Голландии» было так же невозможно добраться, как раньше сюда. Диалектика. А потом, в полutorке, чтобы унять тоску по дому, притушить ностальгию, мы совали в рот сушеный компот и все вообще, что можно было сунуть тайком от мичмана-завпрода. Он знал, что мы ворюги, и держал ухо востро...

Остров Кильдин, рейд Могильный, камни Сундуки, где я тонул.

Тоскливый клочок земли – остров Жохова в Восточном секторе Арктики. Выгрузка с рейда, через понтон, ящики с кирпичом и ледяная вода по пояс, медвежата и лайки...

Было смешно смотреть, как они бегут по скользкому льду вокруг острова, задрав головы вверх, лая с надсадом, хрипло, яростно и в то же время весело, с любопытством. Их было шесть собак и два белых медвежонка. И каждый раз, когда прилетал ледовый разведчик и делал низко над островом круг, чтобы сбросить нам ледовый вымпел, они неслись за его крестовой тенью, задрав головы, взрываясь лаем. Во льду были трещины и полыньи. Но свора неслась, ничего не видя, не чуя впереди. Они начинали тормозить уже в самой близости от полыньи, приседая на задние лапы, тщетно пытаясь удержать свои разогнавшиеся тела на скользком льду, слетали в темную, жирную от мороза воду и выныривали, злые, раздосадованные; вылезали обратно на лед, дымясь, оскальзываясь, делая в то же время вид, что, мол, ничего особенного не произошло, что они специально нырнули в воду, что им нравится купаться. А самолет в это время делал новый круг над островом, и, завороченные недосыгаемостью самолета, его скоростью, они опять забывали обо всем и неслись за крестовой тенью, лая надсадно и весело. И все повторялось – свора купалась в полынье и вылезала, сконфуженная и мокрая.

Мы выгружали на этот далекий арктический островок много разных грузов для зимовщиков. И приходилось все время ругаться с ними.

Зимовщики требовали поднять грузы на береговой откос.

Их было только семеро человек на острове. И чтобы поднять грузы на откос, им предстояло работать всю бесконечную, крошечную зиму, в мороз и пургу. К тому же сама полярная станция находилась на другой стороне острова, в двенадцати милях от места выгрузки, и надо было еще перевезти уголь, картошку, кирпич на замерзающих тракторах и капризных вездеходах через холмистую заснеженную тундру.

Мы понимали, что зимовщиков ждет каторжная, опасная работа, но ничего не могли поделать. Была поздняя осень, наш капитан был стар и осторожен, он уже достаточно рисковал, когда вообще шел сюда, в ледовую западню. Два года суда не могли пробиться к острову. Станция оказалась на грани закрытия.

И только поэтому наш капитан рискнул, ворча, и матерясь, и проклиная Арктику.

Тяжелые льды надвигались с норда, и у нас не было времени поднимать грузы на десятиметровый береговой обрыв. Полярники понимали это не хуже нас, но спорили и ожесточались. А мы понимали полярников и все равно ругались с ними, и сбрасывали грузы на ледяной припай.

А в перерывах между работой мы смотрели на свору из шести собак и двух медвежат. Мы привозили им с судна всякую жратву: остатки супа, кости, хлебные корки – и выливали всю эту теплую бурду на лед; лед таял, собаки и мишки вылизывали жратву и снег, порывевший от томатного жира. Они всовывались в протаявшие ямы, надо льдом оставались только их зады.

Собаки и мишки встретили нас первыми, они пробежали двенадцать миль от станции быстрее людей и вездехода. Сперва черные медленные точки среди бесконечной белизны мягко холмистой тундры. Потом быстрые пестрые шарики. Потом слабый лай. Потом лохматые линючие псы у самого уреза воды, взволнованно вертящие хвостами, и два грязных, в соляре и угольной пыли, медвежонка, принятые в собачью компанию на совершенно равных правах. Они радостно приветствовали наш вельбот, не боялись нас и не облаивали, доверчиво подходили под руку. Мы сразу полюбили их, и нам очень захотелось привезти на судно одного мишку. На судне не было никаких зверюг, а со зверями веселее плавать.

Вожака своры звали Рыжий, он был самый молодой, но и самый сильный, лохматый и хитрый. Единственная сука, тощая и болезненная, с низко отвисшими сосцами, судорожно поджатым хвостом, тоскливыми, слезящимися глазами, Верка, держалась в стороне от всей своры, но и она не выдерживала, когда прилетал самолет и делал над островом низкий круг. Тогда Верка тоже неслась за его тенью и лаяла весело и самозабвенно, наплевав на свои женские болезни и заботы.

А мишки были близнецами, их мать убили весной, они выросли среди собак и, наверное, думали, что и они собаки. Полярники кормили их чайками, и только этим мишки отличались от псов, которые не едят чаек даже в Арктике.

Работа на выгрузке, когда нет причала, когда судно стоит далеко на рейде, – тяжелая работа. И темп был очень высокий. Мы работали днем и ночью. Бригада «Ух!» и бригада «Ах!». Выгрузка из трюмов на понтон, буксировка понтона среди льдин к берегу, перевалка на тракторные сани, оттачивание грузов к откосу. И покурить удавалось только тогда, когда понтон застревал во льдах. В эти редкие минуты мы собирались у костров, собаки и мишки подходили к нам, мы играли с ними, возились, фотографировались с медвежатами. И каждому хотелось оказаться на фотографии поближе к зверюгам.

Зимовщики, обиженные на нас, курили отдельно, сидя на ящиках, угрюмые и отчужденные, глядели на огромную гору грузов у подножия откоса и думали о том, что ждет их впереди, длинной, полярной зимой. И мы не решались попросить у них медвежонка, хотя готовы были заплатить чем угодно, даже спиртом.

Поздним вечером прибежал со станции щенок, совсем маленький, толстый и неуклюжий. Он показался на гребне обрыва, высоко над нами, страшно уставший от бесконечно долгого пути через тундру. Он подпрыгивал, просясь вниз. Сам он боялся спускаться.

И мы, и полярники, и собаки, и мишки смотрели на щенка с уважением. Он пустился в путь через весь остров по следам других и шел двенадцать миль совсем один, и все-таки дошел, но теперь боялся спускаться по крутому обрыву, хотя мы знали и подбадривали его снизу. Верка тоже смотрела на своего сынишку, но, по-моему, не волновалась за него.

Следовало кому-нибудь влезть на обрыв и снести щенка вниз, но все мы уже здорово устали и медлили. И вместо нас полез медвежонок. Он растопыривал лапы, упирался ими в рыхлый снег, по-всякому извивался и влез на откос очень быстро. Щенок ждал его наверху. Они, наверное, о чем-то поговорили. Потом медвежонок опрокинулся на спину, поерзал немного, подталкивая себя к обрыву, и съехал к нам, весь в облаках снежной пыли, головой вперед.

Он показывал пример.

Но щенок не понял, он все повизгивал и подскакивал на одном месте. И тогда полез другой медвежонок, он лез очень сурово и решительно, он твердо знал, что надо будет сделать со щенком, и поэтому не торопился.

Воткнулись в угольную кучу наши лопаты, пошевеливался на слабой волне понтон у припая, медленно проплывали мимо льдины, похожие на замерзших огромных птиц, быстро менялись в небе очертания облаков, огромная северная тишина сомкнулась вокруг нас, и только повизгивал наверху щенок.

Мишка вылез к нему и с ходу, сразу дал под зад лапой. Щенок покатился вниз визжащим комком. Он катился долго-долго, потом вскочил на ноги, перестал визжать, отряхнулся и радостно подбежал к нам. Все оказалось не так страшно. Надо было только получить толчок вначале. И все мы повеселели и опять принялись за работу.

А щенок, конечно, был очень голодный. Он нюхал снег в тех местах, где мы выливали жратву, но весь съедобный снег уже вылизали другие. Тогда щенок подлез к медвежонку, тот открыл пасть, щенок засунул в нее свою маленькую башку и стал выковыривать языком застрявшие в медвежьих зубах остатки пищи.

Ночью мы работали при свете фар трактора. Пошел снег, он казался черным. Похолодало. Волны плюхали во льдах угрюмо. И угрюмая, застывающая Арктика давила души. Костры горели красными огнями, собаки грелись возле них, не мигая, привычно глядели в огонь и бездельничали. Мишки улеглись на льду у полыньи и сосали лапы, они очень смешно пыхтели при этом, в ритм, как маленькие дизеля, и меняли лапы тоже одновременно, строго взглядывая друг на друга. А Верка закопалась в кучу угля, он был теплый внутренним, мягким теплом. Мы брали его в Архангельске чуть влажным, и за время пути он разогрелся в трюмах. Никто не заметил, что Верка забралась в него. Вездеход с санями въехал на полном газу по склону угольной кучи, Верка не успела отскочить. Во тьме ночи раздался визг, похожий на человеческий. Мы сбежались к ней, и никто не знал, что надо делать. Верка ползла куда-то, волоча задние лапы. Потом она забилась в снег и притихла, дрожа всем телом, судорожно зажмурив глаза. Другие псы не обратили на все это внимания. Только Рыжий несколько минут постоял возле Верки, слабо и неуверенно повиливая хвостом.

Мы решили, что она отлежится, потому что собаки – живучие существа. Нам было спокойнее так думать, нам было жаль Верку, мы все-таки чувствовали себя чем-то виноватыми и перед ней, и перед всеми зимовщиками. Мы привезли с судна всякие вкусные вещи – котлету, белый хлеб с маслом и даже сгущенного молока. И положили все это у самого Веркиного носа. Но она не могла есть и даже не понюхала молоко.

Мы боялись, что другие псы или медведи стащат ее рацион, и следили за ними. Но они подходили, нюхали, вздрагивали от желания стащить и уходили в сторону, чтобы больше не

возвращаться. Быть может, они вели себя так потому, что Верка была сукой, а может, понимали, что ей плохо и что нельзя ее обижать.

К утру похолодало еще больше, снег полетел гуще, ветер все заходил к норду, сплошные поля пакового льда стали приближаться к острову. Наше судно снялось с якоря и лавировало между ними, стараясь удерживаться на месте. Мы видели белый, красный и зеленый ходовые огни. Они медленно двигались в полумраке, и всем нам было ясно, что выгрузку закончить не удастся и что скоро придется уходить отсюда совсем.

В полдень с судна поднялась ракета – нам приказывали срочно возвращаться на борт.

Мы попрощались с зимовщиками и собаками. Как часто при расставаниях, взаимные обиды показались мелкими, нестоящими и хотелось сказать: «Вы же видите – мы не виноваты... Лды... тяжелые прогнозы... и у нас нет времени помочь вам больше. И впереди нас ожидают еще три полярные станции, и ребятам на них не лучше вашего...» Но как-то неудобно говорить такие слова. Всегда почему-то легче выругать друг друга ласковым матом, когда за ругательными, тяжелыми и грубыми словами стоит твое доброе отношение, и твоя тревога, и твое сожаление. И кроме таких слов, мы только сказали, что Верку можем взять на судно, у нас есть фельдшер, он ее как-нибудь подправит.

Зимовщики отказались.

Мы перешли на катер.

Берега острова удалялись медленно.

Собаки и мишки бежали за нами, перепрыгивая со льдины на льдину. Мы гнали их назад, мы боялись, что их унесет в море.

Под береговым откосом у горы грузов стояли зимовщики, очень одинокие и молчаливые, курили. Верка заметила, что мы уходим, она подползла к самому урезу воды, приподнялась на передних лапах и смотрела нам вслед. И кто-то из зимовщиков взял ее на руки, чтобы она дольше видела нас. И щенка они тоже взяли на руки.

Тут опять прилетел ледовый разведчик, потому что в штабе проводки беспокоились. Он заложил низкий вираж над островом. И свора помчалась за его стремительной тенью, лая яростно и в то же время любопытно и весело. Свора сразу забыла нас.

Островок уходил все дальше, и казалось, что холодное, застывающее море втягивает его в себя. Нам было тревожно за остающихся, мы желали им всем удачи и здоровья...

Потом была Земля Бунге; провалившийся под лед вездеход, на котором мы отправились охотиться на оленей; тундра без конца и края; бревно песцовой ловушки, украденное нами, чтобы привязать его к гусеницам вездехода и выбраться из ледяной каши...

Остров Вайгач. И веселая злость его собак...

Диксон. Вздувшиеся трупы белух на снегу у костра...

Гогланд – памятник, вознесенный Балтийским морем над духом десятков тысяч погибших. Черника и брусника... Сахалин, корейка с привязанным на спине ребенком, прозрачная анивская селедка, и желтеющие за проливом Лаперуза вершины Хоккайдо...

Уже и даты все спутались – не вспомнишь, пожалуй.

Веками острова служили морякам.

Через острова моряки общались друг с другом и далекой родиной. Это были почтовые ящики. Сохранившаяся доныне привычка моряков малевать на стенке причала, у которого стоит судно, его название – атавизм далеких веков. Название и дата. Значит, такое-то судно тогда-то живым и здоровым прошло такой-то порт или остров. Теперь это в некотором роде хулиганство. Век назад это был единственный способ связи.

Парусники наших предков, совершавшие совместное плавание, назначали у одиноких островов randevu.

Здесь, у Святой Елены, Лисянский на «Неве» не дождался «Надежды» Крузенштерна, когда они возвращались из первого русского плавания вокруг света. И представить себе невоз-

можно, какие нервы были у людей, которые плавали совместно на парусниках и без рации. Как месяцами, годами тревожились они за судьбу друг друга, пока записка на одиноком острове не дарила их радостью общения.

Приветствую тень ваших парусов на этих волнах, глубокоуважаемый Иван Федорович Крузенштерн! Как вы сейчас там, на Васильевском острове, на набережной Лейтенанта Шмидта? Пожалуй, снег уже опять украшает ваши эполеты... Передайте мой поклон Неве!.. Не знаете ли, почему наши корабли больше не называют «Надеждой»?

Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Причудливые вулканические базальты, поднимающиеся на полкилометра, с вершины которых смотрит на звезды Святая Елена. Мертвая зыбь обвивает ее подножье, прибояная пена белеет и сквозь мрак.

Лермонтов бродил здесь мыслями сто тридцать лет назад. Ступал вместе с императором по холодному ночному песку под базальтами. Плыл по ночным волнам зыби на корабле «Воздушный».

Еще в раннем детстве я выучил «Воздушный корабль» наизусть. И все пытался нарисовать его и звезды. На черное небо я капал белила. Звезды гасли, как только акварель высыхала.

Медленно, почти параллельно горизонту пролетает метеорит и гаснет...

Три десятилетия я плыл к этим звездам. Вот они. Вот край Южного Креста над горизонтом – очень, простите, невыразительное созвездие. Самое величественное – экваториальный царь – Орион. Но хочется увидеть Медведицу с детенышем – самое родное. Мы так давно уже ее не видели и неизвестно, когда еще увидим...

Воздушный корабль молча скользит, без матросов, без капитана, закрывает парусами южные звезды. Это не тучи гасят звезды, а его паруса...

«Воздушный корабль», строчка «Под снегом холодной России...», приводит ко мне в рубку тень Старого капрала: «Русский поход вспоминая...»

Шалапин скорбит и гремит посередине Атлантики: «Дерзкие слышу слова, тень императора встала... Прочь! Не завязывать глаз!..»

Лермонтов, Беранже, Старый капрал, «Воздушный корабль» – неплохие у меня сегодня на ночной вахте попутчики.

Кто ты? Фильтр, через который некто пропускает свет звезд, тепло Солнца, и холод морей, и бег дельфинов. Вот и все. И если есть смысл в нашем существовании, то это смысл фильтра. Ты миллиардный фильтр, но, пройдя сквозь тебя, звезды делаются иными, нежели для всех других. Вот и все. Звезды принадлежат всем, и только одно принадлежит тебе – твои воспоминания... Звезды исчезли. Воздушный корабль закрыл парусами все небо.

Я пил чай, такой крепкий, что начинало подташнивать, курил заплесневелую «Новость». Хотелось удержать в себе настроение старых стихов. Стихи были отличной чеканки, слова в них туго звенели, как камень под затыльником приклада, когда солдаты берут «к ноге».

Старинных слов отменная чеканка...

Ночная вахта отказалась есть корейку, потому что у нее якобы какой-то запах появился. Я, намазав корейку горчицей, съел и рассказал ребятам о столярном клее, как мы в блокаду считали его деликатесом. Все долго, от души смеялись: «Ну, Викторыч, уж вы даете, так даете! Ну, Викторыч, никто лучше вас не заливает!..» Второй механик добавил: «У меня тетка блокадница. Клей, правда, ели, но только желатин, а столярный никто есть не станет – не крути ребятам мозги...»

Сперва я обозлился, полез в бутылку, потом взял себя в руки – безразлично стало. И грустно, что мы уже так далеки друг от друга, говорим на разных языках.

Мой сумасшедший знакомый из архангельского сквера так же вот не захотел спорить, доказывать. Это и есть смысл его «Хандры». Смертельно опасная штука. Подлаживаться к людям, мириться с мещанством в них, чтобы обрести тишину и покой, – значит, погубить в первую очередь свою душу.

В дрейфе

Морская тоска. Большой Халль шел за нами по пятам, как злобный пес.

Юхан Смул. Автобиография

На пересечении экватора с Гринвичем мы легли в дрейф. Экваториальное течение по тридцать миль в сутки несет к Берегу Слоновой Кости. Под килем Гвинейская котловина. Знакомые места.

В Конго опять какая-то заваруха. В Анголе – война. В Сенегале – пограничные конфликты. В Гибралтаре – шурум-бурум между испанцами и англичанами. Куда нам все-таки после работы податься на мотоцистку?

Зеленая скука, неопределенность, монотонность. От черного ночного чая и бесчисленных сигарет начало болеть сердце. Боль нудная и ровная, как наш дрейф. Нет туалетного мыла. Кончается запас сухого тропического вина. Пустили в дело последнюю пачку карандашей для штурманской прокладки. Давно нет черного хлеба.

Сутки за сутками вздыхает на ровной зыби «Невель». Катятся и катятся под нами атлантические волны, поднимается и исчезает Луна, поднимается и исчезает Солнце, поднимается в зенит и исчезает Орион.

Мелкие склоки. Например, на производственном совещании был поднят вопрос мини-юбок. Наши женщины действительно совсем притупили бдительность. Жара и многомесячное общение с одними и теми же мужчинами не способствуют женской скромности. Они чувствуют себя как на кухне коммунальной квартиры.

Разговор начался со сливочного масла. Масло затвердело в холодильниках. Лень раскладывать в масленки нормальными кусками. Дамы подают на стол полукилограммовые бруски. Оттолкнувшись от масла, боцман произнес речь о голых ляжках. Старик обрушился на них с отелловской страстностью. Обрушившись на ляжки, он задел старпома, который попустительствует безнравственности.

– Все вы были черт знает в скольких странах, – сказал старпом. – Везде бабы взбесились. Везде они в мини, и везде невозможно работать! Такова мода. Они равноправные. И ни судовая администрация, ни профсоюз не имеют права диктовать им длину юбок. Этого нет в уставе. Вопрос масла ясен. Здесь я допустил слабину. А травить слабину подолов я не буду.

Наши дамы покинули производственное совещание с высоко поднятыми головами и подоломи.

Незримый, смеялся им вслед Большой Халль.

Так наступает декабрь. В июне он казался далеким, как Луна. За это время на Луне побывали люди, и она приблизилась. И наступил декабрь.

Оранжерейная влажность. Рыбий запах везде на палубе, даже на ходовом мостике. Лески, волокущиеся за судном. Бледный, искромсанный топорами труп акулы на корме. Кусок другой акулы привязан на тросе за бортом – приманка.

Ют напоминает морг. Особенно когда пройдешь туда ночью, по безлюдному судну, чтобы размяться при свете луны. Слабый ветер гладит лицо, но долго не может прогнать ощущение опухлости после предвахтенного сна. Бродят в голове остатки тяжелых видений. Во рту горечь от чая и сигарет.

Липкие от рыбьей крови и слизи релинги. Черный океан. Покачиваются акульи челюсти на веревочках. Матросы выбеливают их на солнце. Получается сувенир довольно жуткого вида. Три ряда зубов в акульей пасти. Если один зуб ломается, на его место поднимается другой. Из плавников акул делают парус для сувенирной пироги.

Плавник голубой акулы есть и у меня. Тяжелый от кровоточащего мяса в корне, нежный и прозрачный по внешнему краю, но эта нежная и прозрачная кожа так плотна, что ее не проткнуть проволокой. И я был в акульей кровище, пока возился с плавником, вешал его сушиться на пеленгаторном мостике. И у меня оказались глаза завидующие, и мне захотелось иметь плавник голубой акулы – грозы китов. Его обводы чудеснее и совершеннее птичьего крыла. Все законы гидро- и аэродинамики заключены в лекальных изгибах плавника.

Когда пересекаешь океан полным ходом, торопишься из порта в порт, не знаешь и не можешь представить, сколько за бортом жизни. Надо остановиться. И тогда увидишь, что в каждой волне кипит и бурлит живое. Ночная тишина полна всплесков, шорохов, и вздохов, и слабых, но четких вскриков. И если представить себя в плотике среди океана, вровень с его верхней пленкой, то озноб пробирает от суеверной жути. Среди чужой жизни будешь ты, не среди безмерных вод, а в океане отчужденной жизни, хранящейся здесь сотни миллионов лет.

Четыреста миллионов лет существуют акулы в своем синем мире, а мы всего тридцать тысяч.

Темно-синее освещение сводит людей с ума – так говорят психологи. Если вспомнить свет дежурной лампочки в ночной казарме, в бомбоубежище, на крыше милицейской машины, то можно согласиться с психологами. Но как нас манит синее! Как сидим мы час за часом на берегу и глядим в синюю даль...

Три часа ночи.

Люстра опущена низко за борт. Волны вспыхивают ослепительными клочьями случайной пены. В глубине зыбин голубое сияние. Летучие рыбы лежат на освещенной воде, как огромные серые ночные бабочки или как маленькие самолетики Беллы Ахмадулиной, маленькие сверхзвуковые истребители с треугольным крылом. Они стартуют без разгона, испуганные тенью хищной рыбы, всплывающей из глубин преисподней. Зигзагами носятся красные кальмары, даже страх не может заставить их уйти от манящего белого света. Белое влечет их так же, как нас синее. И рыбы-иглы не боятся хищной тени. Они извиваются в свете люстры, всем гибким телом впитывая кванты. Пролетают невидимые ночные птицы, кричат странно. Днем их не видно почему-то.

Могучая стая серо-синих привидений медленными сужающимися кругами всплывает из черной глубины в конус света. Акула и штук двадцать паламид за ней. Акула уже чувствует приманку – кусок своей предшественницы. Три полосатых лощмана повторяют каждое ее движение. Два лощмана скользят по бокам, один под брюхом. Пассажирка-прилипла пиявкой висит на спине акулы. Паламиды держатся на дистанции в три – пять метров. Акула и ухом не ведет в их сторону. Так спокойно смотрит на пасущуюся рядом газель сытый лев.

Акула не торопится ужинать. Ткнется рылом в приманку, блеснет кроваво-изумрудным глазом и уйдет виражом. А паламиды охотятся на летучих рыб. Улепетывая, летучие рыбы мелькают в свете люстры папиросным, тлеющим, огоньком. Если рыбке не повезло, огонек гаснет в пасти паламиды.

На корме появляются мореходы, почуявшие акулу. Здесь страдающие бессонницей члены экспедиции и вахтенные, бессовестно бросившие на произвол судьбы работающие механизмы, передатчики, стиральные машины и ходовую рубку.

«Невель» крепко спит, уютно растянувшись на мягких и теплых волнах. Плюхает под кормой вода. Звезды чужих небес узкими лучиками пронзают ночную черноту.

За борт опускается шланг, подсоединенный к пожарной магистрали. Шум льющейся воды якобы привлекает рыб и лишает их осторожности. Забрасывают акульи лески со стальными поводками, с мороженой треской на крюке. Приносится кут, ибо от акулы, как и от океана, можно ожидать чего-нибудь совершенно неожиданного.

Мороженая северная треска приходится акуле по вкусу. Зигзаг, переворот, рывок и мгновенное бешенство. Теперь следует проявить железную выдержку, вспомнить Старика, увекове-

ченного Хемингуэем. Но вспоминается бессмертный чеховский налим. Всевозможные советы и соображения высыпаются на ловцов. Их много, а акула одна. И в этом ее спасение.

Зверюгу подводят к борту и выдергивают голову из воды. Акула замирает. Шок? Известно, что выражение «замирает сердце» для акулы соответствует реальности. В момент опасности, гонки, шока ее сердце отключается. Отсюда невероятно длительная живучесть акул.

Жуткий вид у них, когда смотришь прямо сверху на вертикально висящую акулу, в щель ее пасти, растянутую еще крюком. Пластика движений, совершенство мощного тела уже не скрашивают тупой жестокости акулей физиономии, налицо только бандитская сущность. И тогда яростные споры ныряльщиков о том, кусаются акулы или нет, кажутся такими бессмысленными, как спор славянофилов и западников.

Для того чтобы подвести под акулу кут, надо потрудиться, но лень. Завести петлю на хвост еще хлопотнее. И хотя всем славянам ясно, что тащить на крюке бессмысленно, – сорвется, падла! – принимается именно такое, азиатское, фаталистическое решение.

Полтора ста килограммов свинцовых хрящей и стальных мышц медленно поднимаются из родной стихии к палубе «Невеля». У комингса акула выходит из состояния нирваны. Если вы когда-нибудь в мальчишеском возрасте вытаскивали из будильника пружину и хотели ее удержать голыми руками, то вам понятно дальнейшее. Акула возвращается в колыбель жизни с пятиметровой орбиты, поднимая фонтан брызг и фонтан ругани. Последний выше и солонее первого.

– Попутный ветер, в корму дуй! – говорю я по-испански.

Конечно, охотничий азарт возникает, когда на крюке забьется живое, но когда акула, сорвавшись, остервенело торпедирует океан, я радуюсь за нее. Ошалевшая торпеда с такой скоростью исчезает в глубине, что представляется вероятным ее появление на другой стороне планеты, в районе Гавайских островов, уже через полчаса.

Монотонность дрейфовой жизни особенно тягостна для штурманов. Вахты бездеятельны. Пустота четырех часов. Один на один с Большим Халлем.

Смотришь в небо и раздумываешь над тем, что следует делать, если метеорит шлепнется рядом с судном. Включаешь воображение: ударная воздушная волна, водяная воронка, повышение температуры, многометровая водяная волна... Если воображение работает хорошо, доводишь себя даже до несколько взволнованного состояния, решая специальные вопросы: включать дозиметрическую аппаратуру или нет? Поворачивать судно на или от места падения? На каком ходу встречать волну?.. Глядишь – час прошел.

Если мы будем казаться будущим людям дураками (а это произойдет обязательно), то не только за низкий коэффициент полезного действия двигателя внутреннего сгорания. Они будут удивляться вопиющей бесхозяйственности в расходовании мозговой энергии. Миллионы тонн мозгового вещества в головах человечества работают вхолостую. Представьте себе Азовское море, заполненное до краев серым человеческим мозгом. И вся эта масса мозга решает вопрос: пойти в кино или нет?

Теперь представьте себе, сколько было мозга во всех черепах за все время существования человечества. Слой толщиной в добрый метр можно было бы покрыть планету. И эта планета мозга родила за миллион лет атомную бомбу и несовершенную ракету, и это нам представляется космическим достижением человеческого гения! Гора, родившая мышь, работала производительней в бесконечное число раз. Простой станка на заводе или судна у причала мы считаем видом аварии. Тогда простой мозга надо почитать катастрофой, но мы укладываем миллионы тонн неотработанного мозга в могилы или сжигаем в крематориях. Вот от чего будут рвать на головах волосы будущие люди, если, конечно, они сохранят волосатость.

Монотонность дрейфовой жизни подвигнула меня не только на такие оригинальные размышления, но и на поэтическое творчество. Я и сам не заметил, что, расхаживая с крыла на крыло мостика, час за часом бормочу: «...надменны континенты... рок наших строк... кольцо

оков, веков и облаков... Фрегат за взмах крыла проходит небосвод от Южного Креста до Ориона, и месяца качает корабли волна от Огненной Земли до Альбиона...»

И строка, от которой я не могу отвязаться и до сих пор: «Скелет кита на берегу Анголы...» Она звучала во мне балладно, запевно. К ней хотелось, болезненно даже хотелось, пристроить следующую строку.

«Скелет кита» разделил со мной не одну вахту, доводя до бешенства, но дальше баллада не шла. Никакое упрямство и упорство не помогло. Жуткое дело – отсутствие способностей к чему-либо.

Недалеко от Дакара горит и гибнет японской постройки супертанкер на двести тысяч тонн водоизмещения. Он шел из Амстердама на Персидский залив. Вероятно, мы успеем увидеть этот факел – такое не сразу прогорит и утонет, если не взорвется. Сорок два человека снял с него голландский танкер. Капитан и радист оставались, затем обгорели и тоже покинули судно.

Ежесуточно мировой флот теряет в огне два судна. Но только десять процентов пожаров приходится на танкеры – чем возможнее опасность, тем больше бдительность. Четверть всех пожаров вспыхивает на судах в море. Чаще они происходят на судоремонтных заводах и при погрузке-выгрузке.

Я осмыслял эти факты, готовясь к проведению занятий по противопожарной технике, когда старший электрик принес обрывок газеты «Водный транспорт» за 9 января 1969 года.

Крупными буквами на измятом клочке было набрано: «ГЕРОИ „АРГУСА“».

– Откуда это у вас?

– Так пипифакс кончился, – сказал электрик. – На газеты перешли. Я это с крюка снял. Думаю, может, заинтересует вас...

Конечно, мне было интересно прочитать об «Аргусе». Рассказывал заместитель начальника Главного управления мореплавания Министерства морского флота П. Грузинский. Он перечислял уже известные мне подвиги «Аргуса»: спасение киприотского судна «Марианти», помощь английскому судну «Верчармиан», выброшенному на подводную скалу, буксировку его в Гонконг. Об этом капитан «Аргуса» Бычков рассказывал нам у острова Рафаэль в каюте старпома. Но он не упомянул тогда о выводе из опасной зоны советского теплохода «Переславль-Залесский», атакованного американскими самолетами, о ремонте его механизмов; о помощи в разгрузке и заделке пробоин на итальянце «Августин Бертани».

«Тогда же на борту „Раздольного“ вьетнамцы тепло отзывались о совершенно необычной операции моряков „Аргуса“, – продолжал П. Грузинский. – Необычность состояла в том, что спасатели часто работали во время бомбежек... Случилось так, что Хайфон стал испытывать затруднения со снабжением пресной водой.

...По дну реки Кау Кам протянулось 750 метров труб. Это по ним поступала вода в Хайфон. Вьетнамские водолазы обнаружили разрыв, установили на этом месте буюк. Ликвидировать утечку воды попросили экипаж советского спасателя. Вскоре „Аргус“ остановился у буйка. В мутную, грязную от ила воду Кау Кам ушел старший водолаз Терехов. Глубина – сорок четыре метра, видимость – ноль...

Трудная работа шла на дне Кау Кам. Водолазы укладывали тяжелые сорокакилограммовые шпалы из красного дерева – подставки под трубы. Не так-то просто было во мгле точно обрезать концы труб. Потом обнаружили еще один разрыв... Когда на осмотр второго повреждения водовода погрузился Терехов, в шлеме водолаза вдруг раздался тревожный голос капитана „Аргуса“:

– Срочный подъем! Не мешкай, Юра, скорее поднимайся!»

Здесь газета обрывалась. Как в приключенческом фильме «Конец первой части». Только это был не фильм. Автор рассказа подписывал радиogramмы, когда «Аргус» заканчивал свою лихую жизнь на рифах Каргадоса. Какие мысли и чувства испытывал П. Грузинский, когда

ему надо было отдавать капитана «Аргуса» под суд? Убытки 740 310 рублей. Суровые слова в информационном бюллетене: «Гибель „Аргуса“ является позорным памятником беспечности судоводителей, погубивших свое судно...»

Я с возможной аккуратностью подклеил обрывок газеты на лист чистой бумаги. Мне не очень трудно было представить себе продолжение заметки. Вода, как известно, несжимаемая жидкость. Гидравлический удар от подводного взрыва страшнее воздушной взрывной волны. Очевидно, бомба упала близко.

Жутко было вытаскивать водолаза из мутной воды реки Кау Кам. Терехов получил орден Ленина посмертно. Большинство членов экипажа «Аргуса» тоже были награждены за мужество и героизм при выполнении интернационального долга.

Многоглазый Аргус, обозначавший звездное небо, его изображения на стенах погибшей Помпеи; длиннохвостый малаккский фазан; советский спасательный буксир, работавший в водах Малакки; вьетнамская война, погибший русский человек Терехов, прибой на рифах Каргадоса, негр на пироге, соленая горбуша на пиджаке, нехватка пипифакса в затянувшемся рейсе и обрывок газеты на моем столе – жизнь на каждом шагу соединяет высокое с низким. Середины нет.

«Всякое произведение искусства есть прекрасная ложь; всякий, кто когда-либо писал, отлично знает это. Нет ничего нелепее совета, который дают люди, никогда не писавшие: „подражайте природе“». Это изрек Стендаль. Остается ерунда – уметь создать произведение искусства.

Я нашел старый таймшит «Челюскинца» на девятое января шестьдесят девятого года. Отмечено было: «лоцманская проводка проливом Босфор...» Турецкий лоцман, у которого прихватило сердце, его «мало-мало-помалу, мейт!», Леандро́ва башня, погибший в волнах юноша, плывший на огонек любви, и грязные брызги из шпигата, сносимые ветром на безропотного старого турка...

Вечером снялись, слава богу, с дрейфа. Курс на мыс Фритаун.

До конца рейса еще тысячи миль.

Ночью гроза. Когда три молнии одновременно ударяют в черный горизонт, над ним всплывает багровая полоса – будто шлейф за горящим танкером.

Утром после грозы и небо, и волны были серыми, как остриженная голова новобранца. И в этой серости крутится близко от нас медленный могучий белый смерч.

Впереди был все тот же океан и дальняя, и дальняя дорога...

Редактура мифа

Население мира может увеличиваться вдвое каждые 30–40 лет, однако если закон, которому подчиняется рост числа ученых, будет действовать в течение еще двух столетий, то все мужчины, женщины и дети, все собаки, лошади и коровы будут учеными.

Бывший министр просвещения и науки Англии профессор Бертрам Боуден

13.07.1969 года я стоял на мостике теплохода в Гвинейском заливе, положив руку на машинный телеграф, и ждал, когда стрелка часов покажет 00.40, чтобы, выполняя приказания капитана, записанные в черновом судовом журнале, снять судно с дрейфа и повести в точку работы с космической станцией, отправляющейся к Луне.

«Невель» покоился в дрейфе с небольшим креном на левый борт – парусили высокие надстройки и корпус.

Вселенная была обнажена и прекрасна. Она раздевается, как и мы, по ночам. Млечный Путь, Малый Пес, Змееносец, Южная Рыба, Дева... Звезды лучились и вели хоровод – лукавые девы без одежд, стыдливости и предрассудков. А я чувствовал себя как старец у ложа Сусанны. Или как все вообще мы, мужчины, себя чувствуем, глядя на прекрасную обнаженную женщину, к которой нам не суждено добраться. Здесь и смертная тоска до скрежета зубов, и замирание духа от ощущения полноты жизни. В неудовлетворенности – великий смысл, но она танталово мучительна.

Вселенная – Земля – Океан – «Невель» – я.

На другой стороне планеты – космодром, ракета в облаке перекиси водорода или какой-нибудь другой химии. Там проходят последние команды на старт. Там континентальный ветер несет по бетону пыль, лепестки акаций и удары метронома.

И я слышу метроном – наши экспедиционники ведут отсчет времени.

Метроном – блокада – бомбоубежище – черный картон репродуктора – приближение смерти – это навсегда связано с отсчетом секунд.

00.40. На всякий случай оглядываю морской простор с обоих крыльев мостика – не появился ли где-нибудь встречный-поперечный кораблик? Черная пустота. Полная свобода маневра.

Малый вперед.

Непривычно, когда даешь ход, находясь в рубке совсем один.

Жужжит репитер гирокомпаса. Ставлю заданный курс на автомат рулевого управления.

«Ц-з-зынь!» – звонок из машины. Не продули форсунки, просят пять минут отсрочки. Хорошего мало, но и страшного ничего нет. Мы близки к «точке».

Наша задача вывести «Невель» в заданные координаты в заданное время на заданный курс. Это такие координаты, такое время и такой курс, при которых космический объект пройдет через зенит. Тогда дольше всего возможно принимать его сигналы. Как только объект уйдет из радиовидимости, надо развернуть «Невель» курсом на Москву, на Центр управления полетом. Центр окажется на биссектрисе раструбов излучающих антенн. Мощный передатчик вышвырнет огромный радиоязык, язык облизнет бок планеты и донесет на кончике в Москву то, что несколько секунд назад сообщил объект, проносясь сквозь экваториальные созвездия над нашей головой. Вот и все. К приему и отдаче сигналов мы, моряки, никакого отношения не имеем. Чаще узнаем, с каким объектом работали, только из сообщения ТАСС на следующий день. Заповедь одна: не выходи на открытую палубу, когда молотит передатчик, то есть когда работают «рога».

Машина готова. Поехали. Черная вода закрипела под днищем. Расступается. Едем по отражениям экваториальных звезд. Тысячи лошадей тихо плывут перед форштевнем. Впряглись в невидимые построики, задрали головы к небесам, фыркают. Я – кучер. Без вожжей. Рулевой автомат выводит «Невель» на курс. Репитер гирокомпаса урчит прерывисто. Чертим по черной воде пенный серп кильватерного следа – циркуляция.

У Кубы, Огненной Земли, Антарктиды, атоллов Тихого океана сейчас идут к точкам работы такие же кораблики. И там тикают метрономы. Выбраться в космос без нашего брата пока невозможно. Кто-то должен плыть по скользким, мокрым орбитам, поддерживать на космической лунную станцию. Ее тоже зовут «корабль». Никто толком не знает корней этого слова. Предполагают, оно от древнеарабского «лошадь» или древнееврейского «верблюд». И когда мы ныне называем верблюда кораблем пустыни, то это масло масляное.

Выключаю красные огни судна, лишённого возможности управляться. Включаю топовые, отличительные и гакабортный. Орет ревун. Что за черт? Неприятно, когда в ночной тишине по ушам бьет вой. Какая-то путаница с гакабортным – не включается. Минуты три борюсь с сигнальной электротехникой. Побеждаю с трудом – вынув предохранитель. Плыдем. Покачиваются созвездия. В пропасти ночного океана стреляют мгновенным светом тропические светлячки. Иногда полыхают и целые гребни волн.

Из фок-мачты вырывается клочок синего газа – выхлоп дизель-генераторов вспомогательного машинного отделения. Отработанный газ встречным ветром заталкивает в рубку. Придумали удобный выхлоп. Черт бы побрал конструкторов. Душегубка. Даже подташничать начинает. Закрываю окна.

На щите трансюзла вспыхивает сигнальная лампочка линии экспедиции. Ее остренький свет отвлекает. Отрываю листок немецкого календаря, слюню и заклеиваю лампочку. Славный немецкий мальчик все спит и видит коралловые сны.

Удары метронома прерываются, голос из недр судна: «Готовность номер два!» Слышно, как откликаются посты экспедиции: «„Первый“ принял!..», «„Второй“ принял!..», «„Третий“ принял!..»

Зажигается сигнальная лампочка в хозяйстве радистов – почему-то включение их киловаттника находится в рулевой рубке. Закрываю лампочку государственным флагом. Что еще загорится?

Вспыхивает проем двери – является сотрудник экспедиции. Материт трансляционную установку. Она типа «Березки» или «Осинки». Брюхо «Невеля» набито сложнейшей радиоэлектронной аппаратурой, а «Березка» барахлит. И экспедиция ведет с ней упорную войну. Сотрудник сообщает, что объект сорвется с земной орбиты на трассу к Луне в нашем районе Атлантики.

Я прихлебываю горький чай и гляжу вперед. Над горизонтом мутнеет полоса ночных тучек или облаков. Звезды прячут наготу. Тучки, облачка, рубашечки – обычные девичьи штучки. Похоже, мы не обнаружим объект визуально.

Одиночество кончилось, и пора вызывать капитана. Иду к телефону. Под ноги попадаете живое, взвизгивает. В рубку пробрался Пижон. Не спится псу.

На румбе заданный академиками и небесами курс. Вокруг Вселенная – нетленная риза мира, престол Бога, суета сует и всяческая суета. Первый пояс – небесные ангелы, второй – архангелы, третий – начала, четвертый – власти, пятый – силы, шестой – господства, седьмой – херувимы, серафимы и многочисества... Так заселяла Вселенную наша народная мудрость.

Для простых людей мир всегда был конечен. Это образованный Аристотель сказал, что небо безначально и бесконечно. Теперь опять у мира прощупывается начало и миру грозит логический конец. Бесконечность времени и пространства сводила нас с ума, мы не могли ее представить, но мы с ней смирились и в результате к ней привыкли. И теперь еще ужаснее представить начальность Вселенной.

Я слышал Козырева. Он говорил о влиянии следствия на причину. Оказывается, бесконечность сообщала модели мира некоторую простоту. Теперь теряют веру в простоту модели. Физики пишут: «Самый страшный признак сложности – нарушение симметрии». Это уже смахивает на вопль. К-мезон распадается не так, как положено. Раковины заворачиваются в одну сторону. Сердце у всех людей и животных с левой стороны. Оказывается, в той части Земли, где впервые возникла жизнь, случайно было больше «правого строительного материала». И вращение Земли добавило односторонности. Но мы и вокруг центра Галактики вращаемся, и вокруг центра центров, и...

– Вы верите в Бога? – спросили Мартина Лютера. – И если да, то что делал Бог до того, как в шесть дней сотворил мир?

– Бог сидел в лесу и резал прутья для наказания интересующихся этим вопросом, – ответил Лютер. Ему хотелось запретить людям думать о самом тайном в мире – о тайне его начала.

Зачем небеса вложили в нас любопытство? Зачем обрекли нас на вечные муки Тантала? Зачем стоим мы по горло в воде, но не можем достать ее, зачем, видя роскошные плоды, не можем овладеть ими, ибо, открывая рот, чтобы зачерпнуть воды, или поднимая руки, чтобы сорвать плод, убеждаемся в том, что вода утекает и ветвь с плодами знания отклоняется? И висим мы, как Тантал, в воздухе, а над нами возвышается Мир, грозя ежеминутно рухнуть и раздавить...

На другой стороне планеты ракета успешно стартует и ложится на околоземную орбиту, а борьба с трансляционной установкой на борту бывшего лесовоза «Невель» еще в полном разгаре. Опять некоторая неравномерность научно-технической революции.

Сотрудник щелкает тумблерами и говорит в микрофон волевым, требовательным, мужественным голосом:

– Я «Рулевая»! «Девятый»! Ответьте! Проверяю связь!

Пауза. Шум волн. Поскуливает Пижон на кренах.

– Кой черт опять здесь собака? – интересуется капитан. – Спит этот кабысдох когда-нибудь?

Из трансляции:

– Я «Третий»! Слышу вас хорошо, «Рулевая»!

– Я «Рулевая»! Вызывал «Девятый», а не «Третий»! «Девятый», почему не отвечаете?

Гробовое молчание, шум волн.

Голос капитана:

– Черт побери! Когда последний раз мыли окна в рубке? На стекле скоро селетки заведутся!

Слышится грохот открываемого окна, в рубку врывается дизельный выхлоп.

– «Рулевая»! Я «Четвертый»! Могу транслировать на «Девятый».

– Я «Рулевая»! «Четвертый», транслируйте «Девятому».

– Я «Шестой»! Почему мне надо транслировать на «Девятый»?

– Отставить, «Шестой»! Никто вас не вызывал!

До того как над горизонтом взойдет рукотворная звездочка, остается несколько минут.

Руководители экспедиции начинают нервничать:

– Передайте «Девятому»! Немедленно восстановить связь!

– Я «Пятый»! Слышу отлично, «Рулевая»!

И так далее – все по Райкину.

Включаюсь я, советую:

– Ребята, бросайте борьбу с техникой. От нашей рулевой до ваших хитрых постов максимум двадцать метров. В ремонте поставьте переговорные трубы, обыкновенные, старомодные – и дело будет в шляпе...

– Пошел к черту!

– Ребята, – говорю я. – Черта нет. И не будет. Напоминаю: еще Ной использовал переговорные трубы. На ковчеге. Предполагают, что он приспособливал для этой цели хоботы слонов – отличная, надежная внутрисудовая связь...

– Отстань, бога ради!

– Бога, ребята, нет. И не будет. Не надейтесь.

Иду в штурманскую, отмечаю на карте пройденное расстояние, записываю координаты. В глаза лезет примечание под заголовком карты: «На территории Португальской Гвинеи и Сьерра-Леоне речки, показанные точечным пунктиром, даны гипотетически». Мы Земли не знаем, а лезем на Луну... Об океанском дне лучше не вспоминать – два процента положено на карты. Опять некоторая неравномерность... Нужна Вавилонская башня? Этого, как при оценке великого произведения искусства, современники толком решить не в состоянии. Гипотетический гиппопотам в гипотетическом пункте гвинейской речки, извивающейся между портом Фритаун и мысом Пальмас на путевой карте. Ничего про этого гиппопотама я сказать не могу, но какого черта о нем думаю?

Голос из чрева судна: «Ожидаемый сигнал должен проявиться через три минуты!» Все пока идет хорошо, объект огибает планету, защелки и щеколды сработали нормально, ступени отвалились, штыри выскочили, передатчики излучают. Как чувствуют себя протоны и мезоны в условиях невесомости?

Низкая облачность. Звезд нет. Слабое иззаоблачное сияние Луны – она встает над горизонтом. Ветер пять баллов. Волна – четыре. Давление нормальное. Особых признаков непогоды не наблюдается.

Над головой, на пеленгаторном мостике застонали подшипники антенн – разворачиваются. Антенна внизу справа наклоняется к горизонту, вытягивает щупальца-штопоры за борт. На витки ложится отблеск зеленого отличительного огня. В черном океане – полосы фосфоресцирующего свечения. Вполне научно-фантастическая картинка.

Бьет и бьет по перепонкам метроном. Воздушная тревога затянулась. Пик напряжения. Прожектора скрестились в одной точке, то есть все антенны направлены в одну точку на горизонте с правого борта.

– Там летит какой-нибудь парень? – спрашиваю я темноту, как когда-то спросил радист Камушкин.

– Нет.

«Внимание! Ожидаемый сигнал должен появиться через одну минуту!»

Ради праздного любопытства щелкаю секундомером – правильно сосчитали электронные машины?

Лает Пижон. Он чувствует общее напряжение.

На шестидесятой секунде: «Есть сигнал!»

Антенны вздрагивают и начинают медленно подниматься над океаном.

Чем ближе к зениту, тем быстрее. Объект пронзает Малого Пса, Змееносца, и Южную Рыбу, и Деву за пять минут.

– Курс на Москву!

– Есть курс на Москву! На румб тридцать восемь!

– Всем долой с палуб! Сейчас будут работать «рога»!

Телеграф на «полный вперед». Счастливого возвращения, космическая крошка!

Прямо по носу – узкие переулки Арбата, нахальные ночные таксеры, зевающие милиционеры и пустые киоски «Союзпечати».

Излученная из наших «рогов» радиоволна уже там.

Все вокруг вертится с сумасшедшими скоростями – от роторов гироскопов гироскопа под ногами до звезд над головой. И когда я представляю это сплошное вращение, то и голова

включается в хоровод. Смотрю на репитер компаса и чувствую вращение Земли. Сила тяжести и вращение планеты ведут гироскоп к истинному меридиану.

Небо прочистилось. Миллионы звезд-гироскопов вращаются, прокручивают алмазными бурами дырки в небосводе. Вращается Млечный Путь. Тот самый Млечный Путь, который появился в божьем мире, когда сын Зевса Гермес укусил грудь богини Геры. И мама оторвала от груди злого ребенка. А молоко, брызнув на небо, создало эту бесчисленную россыпь звезд. Лунная станция летит, преодолевая поле тяготения. Вселенная неспешно расширяется. Сила гравитации неизменно уменьшается. Расстояние от Земли до Луны увеличивается на дюйм в год. И скорость деления клеток во мне возрастает.

Господи, думаю я, и даже весь холодею от величия своего открытия. А пробовали ученые сравнивать направление осей вращения галактик? Ось гироскопа сохраняет в пространстве неизменным свое направление. Прецессия от сил гравитации соседей ничтожна. Нет ли закономерностей в направлениях осей вращения галактик? Не указывают ли они точку, в которой родился Мир? Ведь если что и сохранилось во Вселенной неизменным со дня творения, то это направление вращений. Ни Галактика, ни звезда не могут остановиться и закрутиться в обратную сторону. Направление вращения – асимметрия – направленность времени...

Дилетантские раздумья – вот что я называю танталовыми муками. Они посильнее мужских переживаний при виде недоступной красавицы. Бессмысленный интерес к сложнейшим специальным вопросам науки. Интерес не по ремеслу, не ради полезности, а единственно из любопытства. Ведь это отвлекает от человека, и тратишься на пустяки. Мое дело – вести судно и сочинять рассказы.

– Виктор Викторович, магнитные компасы сверять будем?

Матрос пришел. Вахта кончается. Сбит величественный ход творческих мыслей. Остаются недодуманными гениальные догадки. Не обогащу я человечество пронзительной интуицией. Наливаю последнюю кружку чая.

– Стенки в тамбучине блестят, как кочегарский чайник, с песком надраил, – говорит матрос. – Так их и так и перетак!

Он хорошо сделал какую-то работу в низах, ему самому приятно, хочется об этом поговорить. А вопрос мироздания его не беспокоит.

Когда человек поглощен работой – хирург берет скальпель, пахарь ведет полосу, горновой выпускает металл, – ему не до начала начал. Через работу он причащается святым тайнам бессознательно.

Почему чайник кочегаров блистал чистотой? Блещающий сосуд был их ответом вечной грязи. И не только по соображениям здоровья. Высшей похвалой были слова: «Он хорошо шевелит!» Забросать топку под завязку может и осел. Надо уметь чувствовать природу угля, его фактуру, силу тяги, индивидуальность котла. Суть в том, чтобы «чуть» шевельнуть груды и она сгорела ровно и до конца. То самое «чуть-чуть».

Искусство...

Устав от бесплодности дилетантских раздумий, от космоса, физики, гироскопов, вахт, матерщины, спускаюсь в тесный уют каюты. Ощущение вращения всего вокруг слабеет. И хочется в городскую комнату, к неподвижному столу и бумаге. И верится, что еще доступно настроение и красота неторопливой, тщательной прозы. Чужие прекрасные строки укрепляют эту простую веру:

Каждой Венере земной, как той, первозданной, небесной,
Из беспредельности вод тайно рождаться дано...

В таких словах, в красоте – раствор всех сложностей мира, всех гироскопов, верблюдов, кораблей и чайников. Именно раствор, а не суспензия клочков отдельных узнаний.

Наука ищет новые идеи и методы. Искусство ищет новые прекрасные образы. Когда все собаки, лошади и коровы станут учеными, индивидуальное творчество в науке исчезнет. Уже сейчас на ученых трудах мы видим все больше и больше соавторствующих имен. Чем их больше, тем значительнее размытость индивидуальностей. И производительность научного труда в мире снижается тем же темпом, каким растет объем научно-исследовательской деятельности: «самоторможение идей в коллективе». Почему? Потому что чем индивидуальнее творчество человека, тем глубже и шире его контакт со Вселенной. Только через микроскопическую дырочку своей неповторимости можно заглянуть в Новое.

Художники пока, слава богу, работают в одиночку. Соавторство мы наблюдали только в титрах итальянских фильмов. Но сценарий – сколько бы об этом ни спорили – никогда не задумывается как самостоятельное произведение искусства. Даже Бог и сатана, запустив в производство мир, выкинули сценарий в преисподнюю.

Биография бога морей кое в чем походит на биографию пророка Ионы. Оба они жили некоторое время в чреве существ, плохо оборудованных для этой цели.

Перед экватором я написал для передачи по судовой трансляции заметку: «Товарищи! В шестнадцать часов на борт явится Нептун, он же Посейдон. Даем краткую биографическую справку морского бога. Его папу звали Крон. Крон знал, что кто-то из детей должен восстать против него, и, чтобы этого не произошло, проглатывал детишек сразу после их рождения. Посейдона он тоже проглотил. И Аида, и Геру. Когда дело дошло до Зевса, мама отдала мужу не новорожденного, а запеленатый камень. Крон камень проглотил и продолжал спокойно заниматься политикой. Зевс подрос, напал на папу и заставил отрыгнуть братьев и сестру. Крон позвал на помощь титанов. Зевс поразил титанов молниями, и ребята спихнули их в бездонную, мрачную пропасть – Тартар. Там, в Тартаре, они и сидят. Благодарим за внимание!»

Вова Перепелкин внимательно просмотрел текст. «Даем краткую биографическую справку» он вычеркнул. «Папу» заменил на «отца». «Отрыгнуть» заменил на «извергнуть». В три фразы вставил «якобы». Финал полностью переписал: «Символом могущества у Посейдона древние греки считали трезубец. Трезубцем он якобы добывал из скал воду. Все это данные римской и греческой мифологии, являющиеся сплошным вымыслом».

Потом Вова включил трансляцию в жилые и служебные помещения и зачитал информацию.

За распахнутыми дверями ходовой рубки синел океан, названный Атлантическим в честь того смещения природной правды и человеческого вымысла, которое и есть наш мир. Мне казалось, синее брюхо океана слегка колыхнется от смеха.

Он смеялся и надо мной, и над Володькой. Странная штука древние мифы. Почему-то я не решился рассказать историю Посейдона серьезно. Мне не хватило смелости донести до людей торжественную красоту древней веры. Употребляя слова «папа», «отрыгнуть», «спихнул», «занимался политикой», я снижал высокий настрой мифа. Почему? Зачем? Для чего? Ироничность должна была позабавить моряков? Или за ироничностью я прятал свою почтительность к древнему, не желая показывать наличие в себе почтительности? Или я не верил, что люди смогут ощутить торжественную красоту в нелепой сказке? А Вовка? Его пугала вольность, с которой я обращался с каноническим текстом энциклопедического словаря. Печатные слова были для моего дружка табу. Но принизить миф он считал своей обязанностью, необходимой в воспитательных целях. И одной рукой он исправлял «папу» на «отца», а другой вписывал в каждую фразу «якобы». Кто из нас более глуп?

– Вовка, – сказал я старому однокашнику. – Ты действительно, без всяких шуток, закончил Ленинградский университет?

– Журналистский факультет, – скромно ответил Вова.

– Но ты все-таки мог бы сохранить каплю юмора.

– Никакого юмора здесь не будет, – сказал Вова. – И ты-то уже это должен понимать?

– Почему я это должен понимать?

– Потому что ты писатель.

– Но у меня нет филологического образования, Вова. Единственно, чему я учился в жизни систематически, – это стрелять из пушек, пускать торпеды, уклоняться от атак и водить корабли.

– Конечно, – сказал он. – С образованием мне повезло больше: два высших... А ты ведь знаешь, мне учеба не очень-то давалась. Пришлось поработать. В Лесгафте выучил названия всех человеческих мышц. Жуть. Но если не знаешь, из каких мышц состоит тело физкультурника, то из тебя не получится настоящий физработник...

– А устройство мозга там изучают?

– Слава богу, нет, – простодушно сказал Володька.

В моменты такого простодушия он мне нравился. Я видел тогда семнадцатилетнего паренька, покладистого, с напряженным лбом, послушно готового к очередной учебной неприятности. То есть он походил тогда на фотографию, подаренную мне седьмого января сорок девятого года: «Дорогому Витьке от Володьки». Фотография каким-то чудом у меня сохранилась до сих пор. Вовка в боксерской стойке, огромные учебные перчатки, майка с номером. Его путь в физработники начинался как раз тогда. Кажется, рота не могла выставить положенного количества боксеров на курсовые соревнования. По весу Вовка подходил точка в точку. Нужный вес вывел его на ринг по ласковому приказу комроты. А вечером он отправился в увольнение, хотя несколько «гусей» по контрольным паслись в его матрикуле. И Вовка понял, что спорт способен облегчать жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.